

18+

Михаил
Гиголашвили

ЧертОВО КОЛЕСО

Финалист премий

БОЛЬШАЯ
КНИГА,
РУССКИЙ
БУКЕР

Лауреат

РУССКОЙ
ПРЕМИИ

Новая русская классика

Михаил Гиголашвили

Чертово колесо

«АСТ»

2007

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гиголашвили М. Г.

Чертово колесо / М. Г. Гиголашвили — «АСТ»,
2007 — (Новая русская классика)

ISBN 978-5-17-106752-6

Михаил Гиголашвили (р. 1954) – прозаик и филолог, автор романов «Иудея», «Толмач», «Захват Московии» (шорт-лист премии «НОС»), «Чертово колесо» (шорт-лист премии «Большая книга»), «Тайный год» («Русская премия», шорт-лист премий «Большая книга» и «Русский Букер»). Грузия, 1987 год, «перестройка». Тбилисские наркоманы и менты, неотличимые от мафии, интеллигенция, воры в законе, партноменклатура – детально прописанные персонажи романа «Чертово колесо» страдают от ломки физической, слома личности, смены эпох и «понятий». «Сквозь мелкие детали, сквозь чутко расслышанные фразы и точно схваченные общественные настроения проступает сложный и страшный образ великой империи накануне распада. Наркотики в этом плотном, густонаселенном, эпохальном романе – не более чем машинное масло, смазка, позволяющая привести в движение поразительно изящную и стройную конструкцию». Галина Юзефович

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106752-6

© Гиголашвили М. Г., 2007

© АСТ, 2007

Содержание

1	7
2	15
3	21
4	26
5	34
6	40
7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Георгиевич Гиголашвили

Чертовое колесо

© Гиголашвили М.Г.

© ООО «Издательство АСТ»

1

Инспектор уголовного розыска Пилия сидел в дежурной части и, не обращая внимания на женские стоны из арсенала, быстро вписывал что-то между строк на листе бумаги. Иногда он поднимал голову и без усмешки косился на звуки. Время от времени звонил телефон. Дежурный, крутоносый тапир, сонно отвечал в трубку. Ночь была душная, тяжелая.

В дальнем углу дежурки, в клетке, метался бесшумно и быстро, как зверь, чернявый парень.

Наконец Пилия кончил писать.

– Эй, какое сегодня у нас число? – крикнул он дежурному.

Лейтенант повернулся к стенному календарю:

– Двадцать пятое августа восемьдесят седьмого года.

– Год я еще и сам помню, балда, – пробурчал Пилия, исправил что-то напоследок в листе и аккуратно вставил его в железные ушки «дела». Захлопнул папку и посмотрел на часы – не пора ли снимать подвешенного на наручниках наркушу, которого он случайно выловил днем: заходил в подъезд к любовнице и наткнулся на него, когда тот мурыжил с пакетами, что-то пересыпая.

Из арсенала появился начальник угрозыска, толстый и румяный, доброжелательно-голубоглазый майор Майсурадзе. Отдуваясь, он присел возле стола и стал платком вытирать грудь под расстегнутой синей форменной рубашкой.

– Ну как, ничего? Показала она тебе класс? – спросил Пилия, указывая глазами на железную дверь, из-за которой теперь доносились шорохи одежды и тихий перестук каблучков.

– Потрясающе! Прямо заново родился! – кивнул майор, напяливая галстук на резинке.

– Дай бог, – усмехнулся Пилия. – Она мастер своего дела. Если б все так работали, давно бы коммунизм был...

– И где ты выуживаешь таких рыбок? – с заинтересованной завистью глянул на него майор.

– Работа такая. – Пилия со скрежетом отъехал на стуле к железному шкафу и закинул туда «дело».

– Как ее зовут?

– Гита.

– Что за дурацкое имя?

– Осетинка. В тиски взял после ареста ее отца. Он из Орджо в Тбилиси левый спирт возил...

– Посходили они там с ума с этим спиртом, как будто анаши им мало, – согласился майор, крутя головой и растягивая резинку галстука.

Дверь скрипнула. Появилась хорошо сложенная блондинка, яркое пятно среди этих унылых стен в грязных серых разводах. Челка закрывала лоб до бровей. Большая грудь колыхалась при ходьбе. Губы были уже ярко накрашены.

– Ну что? Теперь я могу идти?.. Хоть сигареткой угостите!.. – Она увидела на столе пачку «Кэмела» и моментально выхватила из нее несколько сигарет.

– Куда идти? – удивился Пилия, вставая. – Ну-ка садись! Ты что думаешь, я тебя из-за этого позвал? – Он сделал неопределенный жест в сторону майора. – Сесть!

Женщина сникла и, боязливо обогнув коренастую фигуру инспектора, села.

– Давай выкладывай все по порядку! – нагнулся над ней Пилия.

Оправив юбку на бедрах, она вздохнула и принялась давать отчет. Все сделано так, как ей было велено: она приняла приглашение своего престарелого партийца (за которым уже

несколько месяцев следила по поручению Пилии), отправилась с ним в Батуми и там видела, как люди приносили ему деньги.

– Доллары, вот такие пачки! – Она показала красивыми пальцами толщину пачек. – Дальше как обычно... Встречаемся раз в неделю на минет, он мне что-нибудь дарит – вот и всё...

– Дарит? Он что, Дед Мороз? Деньги дает?

– Иногда...

– Неплохая работа у тебя: отсосала – и свободна, закрывай рот и открывай кошелек! – засмеялся майор, а Пилия, недовольно покосившись на него, подытожил:

– В общем, так... Мне нужна его записная книжка. Перепиши ее.

– Трудно. Но сделаю. Кстати, он меня и в Пицунду приглашал...

– Очень хорошо, поезжай... Книжку перепишешь – раз. Всех, с кем он встречается, – список мне, два. Дом по возможности обыщи – три. Только очень осторожно!

– А что искать-то? – с любопытством спросила женщина.

– Не имеет значения. Что найдешь, то и найди. Деньги, цацки, порно, оружие, кайф! Бояться тебе нечего – все умрет тут, между нами. Ты меня знаешь... Ты вообще в этом деле так, дополнительно. По своей линии соси из него, что можешь, я у тебя доли не прошу, но учти – времени у тебя мало. Чтоб через две недели копия книжки была у меня! И рассказ о том, что нашла...

На протяжении разговора майор сидел молча. Когда женщина встала, он тоже вежливо поднялся:

– Извините, я забыл ваше имя!

– Гита, – ответила она.

Тогда он так же вежливо попросил телефон – «на всякий случай». Пилия усмехнулся, а Гита пробубнила:

– Дома у меня нет телефона.

– А на работе?

– Я не работаю.

– У соседей? – с нажимом сказал майор, и глаза его, потеряв прежнюю улыбчивость, стали злыми.

– Я живу в новом районе, там еще нет телефонов...

– Как же с тобой клиенты связываются, а, соска? – оскалился майор.

– Я звоню сама...

– Ах, вот как... Ну, хорошо! Тогда вот тебе мой телефон, будешь звонить мне по вторникам и пятницам... ровно в полдень. Ясно? – повторил он и, наклонившись над столом, написал свой номер на клочке картона от сигаретной пачки.

Гита поверх его спины показала Пилии глазами, что ей все это неприятно. Тот презрительно пожал плечами. Ему тоже не понравилась настырность майора – Пилия просто сделал бурдюку одолжение, увидев, как тот загорелся при виде Гиты, забежавшей по экстренному вызову. Ну ничего, пусть, ее не убудет, сочные губы только крепнут от работы...

Когда Гита, перебирая каблучками, уходила, дежурный тапир проснулся и вытаращился на ее задницу. Чернявый арестант тоже замер. А майор глубоко вздохнул. После ухода осетинки в дежурке снова стало тускло. Пилия отправился в подвал за пойманным морфинистом.

К решетке окна наручниками был прикован плешивый парень. Он обвис мешком и плакал. Невдалеке от него сидел инспектор Бежан Макашвили по кличке Мака – аккуратный брюнет с кобурой через плечо – и просматривал журнал.

– Ну что, тварь, подумал? Или еще повисишь? – ткнул Пилия ногой морфиниста. – Как он себя ведет, Мака?

– Плачет, – ответил тот, зевая. – Надоел уже, хнычет и хнычет, как баба. Гела, мне уходить надо, мама в больнице...

Морфинист заскулил:

– Отпустите... Умираю...

– Будем разговаривать? – спросил у него Пилия.

– Будем, будем...

– Ладно, сними его. Потом можешь идти, я сам с ним разберусь!

Мака обрадованно снял наручники, усадил наркомана на стул и исчез.

Тот продолжал всхлипывать, бормоча:

– У меня печень больная, я умру...

– Не умрешь!.. А умрешь – засунем в машину, вывезем за город и зароем на свалке. Голову сперва отрубим, чтоб никто не опознал... Или сожжем к черту! У нас в столовой печь здоровая, трое таких доходяг, как ты, поместятся разом... Вставай, пошли! – вдруг приказал Пилия.

– Куда? – испугался парень.

– В тюрьму, куда же еще?

При слове «тюрьма» морфинист залился слезами:

– Как в тюрьму? Куда в тюрьму? Дайте отцу позвонить! Папе позвонить хочу, папе!

– Позвонишь... С того света... Пошли! Майор поговорит с тобой.

Когда они поднялись в дежурную часть, майор, уже аккуратно причесанный и строгий, сидел за столом, просматривая «дело».

– Вот, полюбуйся, это подонок Кукушвили, которого я выловил в подъезде...

– Как твоя кличка, гнида? – спросил майор.

– Кукусик, – машинально ответил морфинист.

– Кукусик? Ты смотри! Так это и есть главный барыга? – спросил майор в никуда. – Придется тебе отвечать по всей строгости нашего советского закона! Сейчас, мой дорогой Кукусик, вышел приказ – барыг стрелять без суда и следствия. Попытка к бегству – и всё. Ушел на рывок – и пуля в затылок. Ясно? Распоряжение Совмина! Понял? – повысил он голос.

– Какой я барыга! Кого стрелять? Зачем? – в ужасе пробормотал Кукусик.

– По мне – так вот этот убийца, – и майор, не глядя, кивнул в сторону клетки, где бесшумно сновал чернявый тип, – вот этот езид¹, убийца Амоев, в тысячу раз лучше тебя, барыги проклятого!

Кукусик замахал кровоточащими руками:

– Что вы, какой я барыга?! Сам всю жизнь ищу, где бы что купить!

– Вот оно что! – протянул майор, а Кукусик продолжал, захлебываясь, доказывать:

– Да я... Да я... Да я свой заход² самому Богу не отдам! Все из дому вынес, все продал ради лекарства! Какой я барыга? Я больной человек...

– Мы! Всё! Знаем! – злое отчеканил майор. – Ты где рос, подонок? Где воспитывался? Чему тебя в детстве учили, тварь? Кокнаром³ торговать? Кому ты нес кокнар, у кого брал?.. Молчишь?.. Утром будешь в тюрьме, а там тебя быстро в задницу трахнут, будь уверен! Я лично позабочусь, чтоб тебе самый толстый хер достался... Говори, у кого брал, кому нес?

– Никому не нес. Нашел, – отрешенно ответил Кукусик.

¹ Этноконфессиональная группа в составе курдов.

² Доза наркотика.

³ Размельченные сушеные головки опийного мака, подготовленные для приготовления настоя.

Пилия с размаху ударил его по затылку так увесисто, что морфинист ткнулся носом в стол и залился кровью.

– У кого брал? Говори, гад!

– Мой, – разбитыми губами выдавил Кукусик.

– Твой? Ты что его, в кармане вырастил? У кого брал, сука? – заорал Пилия и еще раз ударил морфиниста ребром ладони по шее.

По-собачьи пригнувшись, морфинист заголосил:

– Я его имени не знаю. Там, на перекрестке, стоит...

– Так. Имени, стало быть, не знаешь... Врешь! Сейчас не то время, чтобы имени не знать! То время ушло, когда на Майдане косой Або через форточку башами торговал за копейки! Сейчас все всё знают. И ты всё знаешь. И скажешь, поверь мне! И имя вспомнишь, и дом покажешь. Сейчас и поедem туда, понял? – ледяным тоном процедил майор, а Пилия потряс наручниками:

– Видишь? Кандалы! Сейчас тебя верх ногами повесим, пару раз по яйцам дубинкой да по башке ногой – быстро и имя, и фамилию, и отчество, и кличку, и дом, и квартиру, и где бабушкины трусы лежат – все сразу вспомнишь!

И Пилия подкрепил слова новой оплеухой, а майор двинул телефонным справочником Кукусика по темени. Зубы у того клацнули, он запнулся и уронил голову на стол. Но Пилия за шиворот поднял его и как следует встряхнул.

Кукусик, выкатив глаза, залепетал:

– Какие бабушкины трусы?... За что?... Где адвокат? Папа-мама? Сейчас перестройка, гласность...

– Что-о? – взревел майор. – Перестройка? Вот тебе перестройка! – И он смачным жестом указал на свою ширинку, а Пилия со словами: «Вот тебе гласность, ублюдок!» огрел звенящими наручниками морфиниста по почкам.

Тот, пискнув, повалился на пол. При звуке упавшего тела дежурный тапир открыл глаза и, обалдело оглядев помещение, опять закрыл их. Убийца Амoeв, замерший на миг, продолжил свой звериный крутёж. Ботинок Пилии уже завис над морфинистом, но майор жестом остановил его:

– Подожди! Может, он одумался? Он мне, ей-богу, кажется неплохим парнем. Ну-ка, посади его за стол. Кто твой отец, Кукусик?

– Управляющий трестом... Дайте я ему позвоню! – с надеждой прохлюпал Кукусик с пола.

– Никуда ты не позвонишь, пока на наши вопросы не ответишь. Я тебя лично в подвале придушу! Ты же барыга из барыг: пол-Союза отравил! Задницу надо тебе проткнуть шампуром, а яйца в мангале испечь! Любишь печеные яйца козла?... Будешь у нас вешалкой! – Пилия опять, теперь уже слегка, ткнул его ногой.

– Кого я отравил? Какой я барыга? – Кукусик сложил молитвенно руки, обращая с пола окровавленное лицо к майору. – Какая вешалка?

– А такая, на которую все дела вешают! Все всяки нераскрытые! – охотно объяснил майор.

– Мы всё знаем, вас всех закладывает наша наседка, мы всё про всех знаем, – сказал Пилия, закуривая. – Сообрази сам, как я оказался в том подъезде? И именно в это время? Как раз на Третьем Массиве?⁴ Именно в том доме, где я тебя взял? А?... Вот так-то! Тебя просто сдали, как овцу. А ты будешь за всех срок тянуть и страдать. Тебе, дорогой, за этот кокнар как минимум семь лет сидеть... Еще и пару убийств навесим, обещаю. У нас их навалом, нераскрытых...

⁴ Новый район Тбилиси.

- У тебя дети есть? – спросил участливо майор у Кукусика.
- Да, дочка, маленькая...
- Ты еще не знаешь, что твои дружки хотели сделать... Дочку выкрасть и потребовать выкуп! – вступил майор.
- Не может быть... – прошептал морфинист.
- Пилия удивился такой неожиданной импровизации, а майор продолжал развивать ее:
- Да... Мы за тобой давно следим... И сдали тебя, и дочку хотели украсть. Кстати, задержание зарегистрировано? Проведено в сводке? Ордер на обыск дома оформлен? – обернулся майор к Пилии.
- Нет еще.
- Немедленно оформить! – морозным тоном произнес майор и зашуршал бумажками.
- Не надо, не надо, очень прошу, какой обыск... – ошарашенно заныл Кукусик.
- Майор долгим взглядом посмотрел на него:
- Как это не надо? Обязательно надо! – Потом, как бы раздумывая, добавил: – И все-таки жаль мне его, хоть он и сучий барыга... Зачем он должен один за всех на всю катушку отдуваться? Пусть те, кому он нес, расплачиваются.
- Дайте позвонить, – быстро проговорил Кукусик с пола, почувствовав какую-то теплею, но майор печально покачал головой:
- Никаких звонков, запрещено!
- Как же я скажу, чтобы деньги принесли? – развел руками морфинист.
- Что за деньги? – удивился майор, будто впервые в жизни услышав это слово. – Какие деньги, ты что? Садись лучше, пиши список наркоманов! Укажи всех, кого знаешь. И кому нес. И у кого купил. Пиши, как Руставели. А дальше мы сами...
- Не бойся, твоего имени никто не услышит, – заверил Пилия взъерошенного морфиниста, поднял его с пола и усадил на стул. – Напишешь – выпустим, еще на дорожку заходим дадим. А не напишешь – все, хана тебе: в тюрьме на параше гнить будешь, носки вонючие лизать! С барыгами так делают, сам, наверное, знаешь.
- Майор подтвердил, серьезно покачав головой:
- Замучают, не сомневайся. У тебя губы вон какие... Пухлые... Вмиг опетушат! Сколько у тебя отравы было? – осведомился он.
- стакан, не меньше, – ответил за него Пилия. – А может, и больше... Я еще не мерил... Утруска, усушка, – добавил он с намеком.
- Это не мой кокнар! Это вы его подкинули! – взвизгнул Кукусик, утирая кровавые сопли, но кулак инспектора снова рухнул ему на затылок.
- С кем кайфуешь? Кому нес?
- После этого удара морфинист затих. Глаза его были закрыты, со лба тек пот, а из-под век струились слезы. Мелко тряс головой и посидев так в молчании (во время которого инспектор и майор обменялись понимающими взглядами), он хрипло прошептал:
- И что... И что вы с ними сделаете?
- С кем – с ними?
- Ну, кому нес... Если скажу?
- А ничего! – деланно-равнодушно ответил майор. – Скажем, чтоб деньги собрали, принесли, выкупили тебя – и всё. Что мы, псы, еще делаем? Вы же нас псами называете? Собаками?
- И... Больше ничего? Не посадите? – выдавил Кукусик, не открывая глаз. – Слово даете?
- Майор и Пилия опять переглянулись.
- Честное пионерское! – уверенно оказал майор, а Пилия добавил:
- Если всех наркуш сажать – места не хватит. На черта они нам?

– Ладно! – сказал Кукусик, прерывисто вздохнув. – Только меня не упоминайте. Вообще. Никогда.

Майор поспешно подтвердил:

– Конечно, дорогой, конечно, о чем речь... Зачем нам тебя упоминать, нам же хуже от этого будет... – Заметив, что Кукусик пару раз боязливо взглянул в сторону клетки, где маячила фигура убийцы, он предложил: – Давайте перейдем ко мне в кабинет! Кондиционер включим, боржому выпьем, а то жарко тут. Ну и лето выдалось! Я же говорил, что он хороший парень! – дружелюбно заключил майор, поднимаясь, а Пилия, взяв «дело», мимоходом спросил у морфиниста:

– Кандалы захватить?

– Нет, нет, зачем? – ужаснулся тот, и Пилия со звоном зашвырнул наручники в арсенал, цепко взял Кукусика за локоть, но тотчас отдернул руку и поспешно обтер ее о сорочку наркомана. – Да он весь мокрый, в ломке!

– Тем лучше! – откровенно ухмыльнулся майор.

Они втроем прошли по гулким этажам и оказались возле кабинета, на двери которого висела табличка: «Начальник уголовного розыска майор Г. И. Майсурадзе».

Пилия плюхнулся на диван, майор сел за стол и сорвал ненужный галстук, Кукусик поместился на краешке стула, заглядывая им в глаза. Он стал немного приходить в себя.

– Садись удобнее, не стесняйся, Кукусик, – сказал ему майор, доставая бумагу. – Тебе сколько листов? Три, четыре?

– Два, – неуверенно отозвался морфинист.

– На тебе пять.

Пилия, не вставая, дотянулся до сейфа и вытащил прозрачный полиэтиленовый пакетик, в котором темнело что-то вроде пятака.

Кукусик не спускал с него взгляда, как собака – с куска сахара. Пилия развернул пакетик и показал его издали морфинисту:

– Вот, видишь – опиум хороший, чистый, туркменский, не то что твой вонючий кокнар, солома негодная! Хочешь, небось, ломку снять? Ты же в подъезде не успел еще свой заход схавать?

– Не успел. Лучше бы все схавал.

– Сдох бы.

– Дайте – увидите. Я и больше хавал.

– Молодец. Вот опиум, хороший, туркменский, – показал Пилия издали темный пятак опиума.

Кукусик, сглотнув, кивнул и уставился на руку Пилии.

– Потом, – пообещал инспектор, пряча опиум в нагрудный карман. – Вначале напиши все как следует, а потом вместе покайфует, если вот майор разрешит! – (Майор соорудил дружелюбную мину.) – И вообще, что ты с этими подонками возишься? Видишь, твою дочь украсть хотели – шутка ли? Захочешь кайфовать – приходи к нам. Здесь, в сейфе, всегда найдется заход для хороших людей. Всегда дадим! И от хулиганов защитим!

– Спасибо! – поблагодарил Кукусик.

Будучи слабым и трусливым, сейчас он вдруг почувствовал даже что-то вроде гордости: он, как равный, беседует с людьми из угро! Было похоже на сцену из видео... Что ж, действительно, если кто-то всех закладывает, то при чем тут он, Кукусик? Псы, видно, и так всё знают... Что делать? Он попался. Пусть теперь соберут деньги и выкупят его. Им же лекарство нес, рисковал, к Лёвику в такую даль, на Третий Массив, потащился... Пусть соберут! Другого выхода Кукусик не видел и успокаивал себя тем, что и так все известно. Не сидеть же ему, в самом деле... А собаки без денег не отлипнут...

Как бы отвечая на его мысли, майор придвинул к нему бумагу:

– Не бойся: все строго между нами. Никто ничего не узнает. Пиши. Потом снимешь ломку. Болят, небось, руки-ноги?..

Пилия отщипнул от опиума крохотную крошку и кинул на стол. Кукусик прямо со стола с хрипом слизнул ее.

– Пиши подробно: с кем кайфовал, когда, где. У кого покупали, кому отдавали, почем... Адреса, имена, телефоны, клички. А мы выйдем, чтобы тебе не мешать... Будь умницей, Кукусик, и не ищи приключений на свою задницу. В обиду не дадим, не оставим! – подмигнул майор и направился в коридор.

Пилия, кинув еще крошку и прихватив со стола бутылку «Боржоми», вышел следом. Закуривая, спросил у майора:

– Что будем с этим Амоевым делать?

– Подождем до утра. Я уже говорил с его отцом. Он должен утром принести деньги. Тридцать пять тысяч...

– Что?! Всего-то?! За убийство? – уставился на него с раздражением Пилия.

– Тридцать пять утром и столько же – вечером, всего семьдесят, – неохотно пояснил майор. – Поделим на троих – тебе, мне и начальнику.

Пилия проворчал что-то вроде «знаем этого начальника», но майор дружески положил пухлую ладонь ему на плечо:

– Ты же в курсе, как хорошо иметь дело с езидами – ни тебе звонков, ни ходатаев, только деньги – и всё. А еще говорят, что они жадные!

– Жаднее наших никого нет! – быстро ответил Пилия, весь вздуваясь от злобы: неделю назад прямо из рук ушел большой куш. Позвонили – и дело пришлось даже не закрыть, а захлопнуть.

– Отец этого Амоева – старший бригадир дворников, – сообщил майор. – Плакал у меня в кабинете: «Пять сыновей имею – и все по тюрьмам сидят, хоть этого оставьте, одного, для матери!...» Подождем до утра, а там решим. Да, я всегда говорил: езидов, курдов, греков, армян лучше всего ловить – сразу деньги на стол выкладывают. А от наших поди отбейся – чей-то сын, внук, племянник или даже дедушка, надо отпускать. Нет, лучшее место на свете – начальник милиции где-нибудь в Глдани или ТЭВЗе⁵, где одни черные падлы гнездятся!

В коридоре майор направился в туалет, а Пилия вытащил опиум, украдкой закинул в рот и запил маленькими глотками из бутылки. Потом поболтал через открытое окно с дворником, вздумавшем ночью спяну или по бессоннице мести двор милиции.

Когда они вернулись в кабинет, список лежал на столе.

Получив горстку своего же кокнара, Кукусик сжевал его без воды и отправился в клетку к убийце, окрыленный обещаниями, что завтра («Как только придет главный начальник!») его выпустят и дадут «на дорожку» опиума. А майор и инспектор склонились над бумагой и начали читать, изредка обмениваясь репликами...

Прочитав весь список, Пилия удовлетворенно кивнул:

– Ну, тут все ясно – будем действовать, как обычно. А с Кукустиком что делать?..

– На срок пускать – что же еще? – удивился майор.

– Ты же слово дал! – криво усмехнулся Пилия.

– Какое еще слово, ты что, рехнулся?

– Рехнулся не я, а ты! Разве можно его упускать? Он же душой стукач, разве не видно? Я из него сделаю главный передатчик! – сказал Пилия. – Азбука Морзе!

– Кто к нему после этого приблизится? – указывая на список, возразил майор. – Он же по горло в дерьме!

⁵ Новые районы Тбилиси.

– Выгородим, не упомянем... Зачем резать курицу, золотом какающую? В общем, это мое дело. Тебе не все равно?

– Делай что хочешь, – пожал плечами майор. – И не лень тебе возиться? Стукачей в городе больше, чем морфинистов!

– Не ты ли говорил, что в стукачестве – будущее нашей работы? Зачем бегать, искать, вынюхивать, сидеть в засадах? Может, лучше спокойно пиво пить и ждать, когда тебе позвонят и сообщат, когда, где и кого вязать?.. Еще один не помешает... Кстати, дай несколько обысковых ордеров.

– Я же давал тебе недавно! Ты что, их вместо туалетной бумаги употребляешь? – удивился майор.

– Кончились, – отрезал Пилия. – Бумажек жалко? Я сам их на ксероксе распечатать могу! – севшим голосом добавил он, расчесывая грудь от начавшего давать о себе знать опиума.

– Просто странно, – окрысился майор, но вынул из ящика пачку чистых ордеров, предпочитая не связываться с Пилией.

Инспектор сгреб бумажки:

– И список дай сюда! Я, может, еще вернусь, поработаю с ним...

Майор без слов отдал и список. Набрасывая на плечи кожаную куртку, рассовывая по карманам джинсов сигареты, бумаги, ключи, оружие, Пилия поинтересовался:

– Ну как, прошла у тебя голова после голубого боржома?

– Какого боржома? – не понял майор.

– Которым тебя в арсенале Гита угощала...

– А-а... Голубой боржом! – захохотал майор и долго еще после ухода Пилии улыбался и бормотал про себя: «Голубой боржом! Чего только не придумают! Голубой боржом, а, черт побери! Хорошо!..»

2

Продрав глаза и убедившись, что на работу в редакцию он опоздал, Ладо остался лежать в постели. Мучило похмелье. Мысли слепо шевелились в гудящей голове. В последнее время он совершенно выбился из колеи: кололся и пил.

Дошло до галлюцинаций: недавно, стоя на чьих-то похоронах, он вдруг увидел рядом с собой своего лектора, умершего два года назад. Лектор так неподвижно смотрел в глубь подъезда, откуда вот-вот должны были вынести гроб, что не ответил на приветствие, которое невольно вырвалось у Ладо. А Ладо, поглазев на него, вдруг осознал, что перед ним покойник. В страхе поспешил прочь, но, запутавшись в кустах, упал. Его вытащили и увели в какую-то квартиру, где пожилая женщина в черном поила его водой и оттирала виски уксусом, приговаривая:

– Несчастные, больные... У меня племянник тоже... эту наркотику... Жаль вас, потерянных...

Мысли съехали на сегодняшний день, вяло поковырялись в нем. Все перспективы – на нуле. Опять жить? Зачем? Какой смысл? Все надоело. Ничего не светит. Все враждебно. Денег нет и не предвидится. Наркота негодная, да и по цене уже недоступна. Чего ждать?.. Семья?..

Жена молчит, но молча ненавидит. Сын? Может, для него будет лучше, если такой отец умрет... Что видит ребенок?.. Одни ссоры, склоки и прочую дрянь. Родственников полно, с голоду умереть не дадут... А как покончить?.. Надо бы пистолет у кого-нибудь взять, да кто даст?.. Вот у Зуры наверняка есть...

Зура, бывший одноклассник, приволокся вчера вечером, как обычно, неожиданно. Сидел до ночи, пил чай, чесал густую бороду и полоскал мозги про то, что пора скинуть коммунистов и взять власть в свои руки. Ладо было наплевать, кто там шурует в Доме Правительства, а Зуру это волновало. Перекладывая сванскую шапочку по столу, он серьезно перечислял и подсчитывал: танки можно захватить на базе в Ахалкалаки, там охрана гнилая, за деньги сама пригонит, куда скажешь. Автоматы надо покупать в России – там дешевле. Наемников нанять, если своих не хватит. Разом перекрыть все точки и центры, чтобы осадить собак, забывших родину, дом и хозяина. Потом перешел к любимой теме: с какого времени то или иное княжество можно считать составной частью страны? И до какого времени считать его свободным? И как эту свободу понимать?

– Текст принес? – перебил его Ладо.

Зура передал несколько страниц. Он писал повесть про древние времена и давал Ладо по главам на правку. По словам Зуры, большая часть была готова, осталось несколько глав, концовка. Странно! Пишет о старом, а беспокоится о будущем!.. И много таких. Ладо как-то попал на их сходку (не было места уколоться, и он попросился к Зуре в ванную). Пока готовил раствор, слышал краем уха, как Зура и его приятели вели степенные беседы о свободе, рабстве, о выходе из империи, если надо, немирным путем. Шли подсчеты бронемашин, снарядов и ресурсов для свержения коммунистов. «Грузия от моря до моря!» – шуршали они линейкой по карте, измеряя расстояние от Понта до Каспия...

Ладо попытался вновь заснуть, но затрещал телефон. Его любовница, Нана.

– Подожди! – прошептал Ладо и вышел посмотреть, нет ли кого в квартире. Пусто. Жена – на работе, мать – за покупками, сын – в школе. Он вернулся к телефону.

Нана была очень раздражена. Оказывается, вчера она весь вечер просидела в квартире уехавшей подруги, ожидая его, а он в это время сидел в мастерской у Художника, ожидая Кукусика с кокнаром. Но Кукусик исчез. В итоге – ни кокнара, ни Наны. Она злобно напомнила ему, что такое происходит не в первый раз, и ее терпение подошло к концу:

– Мне эти твои наркоманы неинтересны. Кукусики-Мукусики!.. Я тебя жду, жду, а ты...

– Послушай, я же не виноват, что этот проклятый Кукусик куда-то провалился! – огрызнулся Ладо. – Я и так умираю, напились потом... А еще ты меня грызешь! Мне плохо!

– А мне, по-твоему, хорошо?! – взвилась Нана.

Последовали привычные упреки в эгоизме, хамстве, жалобах, угрозы. Он равнодушно внимал им, от всей души желая, однако, чтобы Нана сейчас оказалась рядом. Он так и сказал ей.

– Да я прекрасно знаю, чего тебе от меня нужно, – вздохнула она. – Только одного! Знаю! Хотя и этого, видно, уже не надо, раз вчера не явился... А могли бы побыть хоть немного по-человечески, в квартире... – Затем она заявила, что больше не собирается выбегать «на часок», что она не шлюха по вызову, что все это ей осточертело. – Я хочу семью, детей, свой дом, а вместо этого, как собачонка, бегу, куда поманишь! Все знают, что я твоя любовница! Пальцами показывают! А я хочу жить нормально!

– Но что же делать? – спросил он, окончательно просыпаясь и сознавая справедливость ее доводов.

– Раз ты все равно не собираешься на мне жениться, тогда будем считать, что я свободный человек и могу делать, что хочу! – заключила она металлическим голосом.

– Давай, делай, запретить не могу...

Она недобро засмеялась:

– И сделаю! И так сделаю, что ты, мой милый, даже и не узнаешь никогда! И получше тебя есть. И с деньгами. И не вечно больные, как ты... Раз уж я и так опозорена, раз ты сделал меня шлюхой, лучше мне стать любовницей какого-нибудь дельца... Хоть денег соберу на будущее!

– Да какой шлюхой я тебя сделал?! Ты в своем уме? Мало было у тебя до меня? Не пугай! – начал старую песню Ладо, зная, что она права, а он опустил и балансирует над ямой.

Его участь незавидна: цена укола равна месячной зарплате Ладо... Это же – как чума и холера... Предположим, решил не колоться, сбросил ломку, но вот звонят, говорят, что в городе появилось хорошее лекарство, можно выгодно купить – и всё! Хватаешь последнее, занимаешь у соседей, воруешь у родителей, отнимаешь у сына, клянчишь у черта-дьявола, бежишь, берешь, колешься, садишься на иглу – и пошел по новой... А тут еще Нана с упреками!

А та продолжала на повышенных тонах:

– Посуди сам: мне тридцать лет, у меня ничего нет, а я сижу и жду, как дура, когда ты потащишь меня в какую-нибудь заплеванную дыру, вроде подвала этого недоноска Художника, и потрахнешь в грязи, причем за это время три раза постучат и два раза позовут со двора пьяницы и морфинисты. Всё! Я так больше не могу! Жизнь проходит, мой милый! Завтра ты найдешь себе новую, молодую девицу, а меня выкинешь, как тряпку! Нет уж, лучше я сама тебя брошу, пока не поздно!

Вдруг с улицы донесся голос Серго Двали. Ладо сказал:

– Извини, подожди, кто-то зовет, – накинул халат и спустился в подъезд.

Серго обтирал платком лысую голову:

– Слушай, Ладо... Такое дело... Там в машине Нугзар и Сатана, оба в ломке, все от них прячутся... надо что-нибудь найти для них, а то не отстанут... Всё объездили – нигде ничего нет. Одна дырка осталась – Рублевка на Авлабаре⁶. Ты можешь зайти к нему? Тебя он не боится. Сходи к нему, возьми, ради бога, а то они меня съедят. Мне Рублевка не дает, я ему много задолжал, а тебе он даст, тебя он уважает...

⁶ Старый район Тбилиси.

Ладо совсем не хотелось встречаться с вором и бандитом, но на улице хлопнула дверца машины, и в подъезд вошел Сатана.

– Ну что, есть? – спросил он у Серго, не здороваясь с Ладо и не глядя на него.

Серго растерянно пожал плечами. По его лицу Ладо понял, что все это ему очень не по душе.

– Можешь взять лекарство? – уставился Сатана в упор.

– Могу, если есть.

– Поехали, – коротко приказал Сатана.

– Сейчас, халат переодену...

– Не надо! – И Сатана крепко ухватил Ладо за руку. – Так поедem.

– В халате? – удивился Ладо, чувствуя, как лапа Сатаны впивается в его локоть.

– В халате даже лучше. Если что, скажешь: сосед, зашел за сигаретами. Давай, давай, поехали!

И Сатана, схватив другой рукой Серго, силой поволок обоих на улицу.

В машине, на заднем сиденье, полулежал Нугзар. Он хрипло дышал, утирая лоб и сплевывая прямо на пол. Увидев Ладо, он что-то неопределенно пробурчал и плотнее натянул на плечи чехол, сорванный с сиденья. Его трясло.

По дороге Сатана материл Серго и пару раз довольно сильно хлопнул его по лысине (Серго имел несчастье когда-то учиться с Сатаной в одном классе). Нугзар, разлепив губы, спросил:

– Думаешь, есть у барыги лекарство?

– Кто его знает...

– По сколько он пускает?

– Было по полтиннику чек⁷. На двоих идет.

– Вот сучья морда! – Сатана, в очередной раз обматерив Серго, с силой ударил лапой по бардачку, а Нугзар покачал головой, сплюнул:

– Это вам один на двоих, а мы на такой дозе сидим, что мне одному и пяти чеков не хватит. Что за время! Что за жизнь пошла! Раньше спрашивали – сколько человек один чек ширяют, а теперь спрашиваем – сколько чеков надо одному человеку ширнуть! Голяк пришел! Где он держит лекарство? – через некоторое время спросил Нугзар.

– Не знаю.

– Как не знаешь? Ты же заходишь к нему, берешь у него, колешься с ним – и не знаешь, где у него лекарство спрятано? – повысил голос Нугзар.

Ладо не понравилась эти намеки. Он ответил:

– Я кололся с ним всего два раза, по вынудиловке... Кроме меня, туда еще сто человек заходит!

– Ну, вот когда ты два раза заходил и кололся, откуда он доставал лекарство? – начал въедаться Сатана.

«Тут надо следить за каждым словом!» – подумал Ладо.

– Тогда он из холодильника вынул. Готовый раствор в пузыре.

– С кем живет эта гнида?

– С женой и сыном.

– У-у, знаю я его породу!.. – прорычал Сатана и щелкнул Серго по лысине. – Давай быстрее, козлина, умираем совсем!

Когда они приблизились к дому Рублевки, Сатана засуетился, вытащил из-под сиденья наган и сунул его в задний карман брюк. Тут до Ладо дошло, что именно они собираются делать.

⁷ Расфасованная порция наркотика.

– Кинуть его хотите? – спросил он, стараясь голосом не выдавать недовольства от предназначенной ему роли, – после кидняка он, ясное дело, потеряет Рублевку. Может, последуют и более крупные неприятности.

– А что же, бабки этой падле платить?! – возмутился Сатана, крутя по привычке клок волос на своей лохматой голове. За этот клок, торчащий в виде рога, а также за взбалмошный упрямый характер его еще в школе прозвали Сатаной.

– Ну и дела... – пробормотал Ладо.

– Что такое? – захрипел Нугзар.

– Могли бы хоть предупредить...

– Кого? Тебя? Отчеты тебе давать?! – злобно застыл Нугзар. – Значит, так... Серго сидит в машине и не выключает мотора. А ты позвонишь – и всё. Дальше тебя не касается. Понял?

– Понял, – ответил Ладо, чувствуя холодок на спине. Рублевку он, конечно, потеряет... В нужном месте Серго остановил машину.

– Сделаешь один? Или пойти с тобой? Трясет меня сильно, – сказал Нугзар.

– Обижаешь... Финку только дай.

Когда они вошли в подъезд, Сатана шепнул, обдав Ладо спиртным духом:

– Смотри, без глупостей! Не то голову отрежу! Звони! – и встал в стороне от обшарпанной двери.

На звонок долго не отвечали. Ладо в душе надеялся, что дома никого нет. Но вот раздалось шарканье, потом тишина – смотрели в глазок – затем стук упавшей цепочки, щелчок замка, и дверь приоткрылась. Ладо замешкался. Сильный толчок занес его в квартиру. Он споткнулся о порог и рухнул на пол. Сатана, кинувшись к Рублевке, резаным ударом свалил его с ног, ботинком наступил на руку и, приставив финку к горлу, хищно просипел:

– Лежать! Молчать! А то прикончу на месте! А ты осмотри квартиру, кто еще есть.

Ладо на деревянных ногах обошел затхлые комнатенки с облезлым ковром на стене. Никого. На галерее у шкафа жался мальчик.

– Никого. Сын.

– Дверь запри! – приказал Сатана и волоком, за шиворот, потянул Рублевку по полу в комнату. Ладо, не зная, что делать, поплелся в галерею. Из комнаты неслись звуки ударов, звон пощечин, брань Сатаны:

– Быстро! На стол всё! Скорей! Лекарство сюда, на стол!

Сын Рублевки, мальчик лет десяти, побелев от ужаса, замер, слушал гнусную брань, глухие толчки и вопли Рублевки:

– Нету, нету! Ничего нету! Это не мое было, это чужое! Чарликино лекарство было, клянусь! Чарлик приносил, прятал тут, я ничего не знаю! Его опиуха!

– Не шути со мной – голову разнесу! Всё сюда, на стол! – рычал Сатана.

Что-то звенело и падало. Рублевка визжал громче и громче:

– Нету, ничего нету! Кончилось! Ребенком клянусь, кончилось, нету!

– Ах, ребенком клянешься! – зловеще крикнул Сатана, ворвался в галерею, схватил мальчишку и поволок его в комнату, кинув через плечо: – И ты тоже сюда...

Ладо повиновался. В комнате, среди опрокинутых стульев и разбитой посуды, на скрипящей кушетке извивался Рублевка.

– Нету, значит? Сейчас увидим! – Бросив ребенка, Сатана уставился на Ладо: – Продавал он тебе лекарство? Отвечай!

Тот промедлил с ответом и тотчас получил ощутимый удар в челюсть.

– Отвечай! Или вы заодно?

– Продавал, – ответил Ладо.

– Ты слышал? – еще громче завопил Сатана и начал наносить Рублевке короткие, незаметные, но увесистые удары кулаком. – А еще ребенком клянешься, сучий потрох! Сейчас тебе конец! – свирепо и торжественно провозгласил он, вытаскивая наган из кармана. – Последний раз спрашиваю – где лекарство?!

Рублевка что-то вопил. Тогда Сатана обернулся к мальчику, схватил его за волосы, крикнул:

– Отвечай, где лекарство! – и угрожающе занес нож.

– Оставь его! – закричал Рублевка. – Все отдам – его отпусти, зверь!

– Давно бы так! – процедил Сатана и оттолкнул мальчика. – Неси!

Тот убежал в галерею, а Рублевка пополз к гардеробу, покопался в нем и, не вставая с колен, вытащил из белья несколько полиэтиленовых пакетиков, чеков, в которых чернели пятна опиума. Сатана оттолкнул его, вывалил всю стопку простынь – и на пол посыпались другие пакетики.

– Этого мало! Где еще?

– Нету больше. Убей, нету... – канючил Рублевка, сидя на полу и размазывая кровь по лицу.

– Убью, не сомневайся! Давай, Ладо, включай утюг – он думает, мы тут шутки шутим, из-за двух чеков пришли. Сейчас убивать будем! Сперва тебя, потом – сына...

И Сатана, склонившись над Рублевкой, стал запихивать дуло нагана ему в рот. Рублевка, мыча, вырываясь и по-собачьи мотая головой, пополз к колченогой тумбочке и вытащил из нее банку из-под сметаны, залитую черной массой. Сатана велел ему собрать чеки, разбросанные по комнате, и сложить туда же, в банку.

Пока Рублевка, оттирая кровь, собирал чеки, в квартире стояла тишина, только слышалось хриплое дыхание Сатаны, шорох пакетиков и всхлипывания мальчика из галереи. Рублевка дрожащими руками протянул банку Сатане. Тот глазами указал на стол. Барыга поднялся с колен и поставил банку на стол. Он тоже всхлипывал, судорожно икая.

– А теперь деньги! – приказал Сатана и взял двумя пальцами Рублевку за кадык.

– Какие деньги? – успел пискнуть он, но Сатана свалил его с ног, прижал подошвой его щеку к полу, а лезвием финки пощекотал его затылок:

– Где деньги, падаль?

Рублевка в предсмертном ужасе клокотнул что-то.

– Где? – шепотом спросил Сатана, не отрывая ножа от мелко дрожащего затылка.

– Там, там! – засипел Рублевка. – В столе, на кухне...

Сатана поволок Рублевку на кухню. Послышался стук открываемых ящиков, звон вилок и ложек. Сатана вернулся, на ходу просматривая купюры. За ним плелся Рублевка, бессильно опустив руки и неся какую-то чушь:

– Никогда не знал... У меня ничего, это все Чарликино... Артуркино... Откуда у меня лекарство? Что мне Чарлику отвечать? В глаза не видел...

– Врешь, все это твое, – пряча нож, сказал Сатана и, взяв банку, пригрозил: – Чтоб молчал, сука, а то вернусь и перережу всю семью!

Они уже были в прихожей. Вдруг Рублевка кинулся на колени:

– Сатана, оставь пару чекушек, я умру в ломке, прошу тебя, оставь хоть пару!

Сатана, не глядя, вытряхнул из банки на пол пару пакетиков...

Потом была какая-то страшная хата в Сололаки⁸, разбитый шприц, хрипы Нугзара, охи Сатаны в очередном приходе, его севший шепот, которым он хвалил лекарство и говорил Ладо, что барыгу они кинули вместе, и теперь самое время повеселиться, что Ладо не должен обижаться на него за удар в челюсть – так было надо и так лучше, пусть Рублевка думает,

⁸ Старый район Тбилиси.

что не он один пострадал, что они заставили Ладо это сделать – теперь Ладо не потеряет барыгу и всегда сможет обратиться к нему, если надо.

– Ну, извини, если сильно получилось, – в опиумном угаре расчувственно лез он извиняться и целоваться. – Думаешь, мне мальчишку мучить было с понта? А что делать, если фатер-барыга не раскалывается?

От лошадиных доз Ладо и Серго были не в состоянии отвечать и полуспали с горящими сигаретами в руках (хотя будто видели сквозь закрытые веки), пока все не померкло в блаженной мгле.

3

В подвальной мастерской у Художника ожидали опиум.

Человекообразный Черный Гогия, двухметровый бывший баскетболист, плашмя лежал на кушетке, не шевелился. Руки свисали до пола. Ботинки упирались в стену.

Лысый Серго Двали пытался читать газету, но поминутно складывал ее, смотрел на часы, перебирал в портфеле бумаги, вытирал потную лысину комком платка. Он был инструктором райкома и вечно куда-то опаздывал.

Директор магазинчика «Ткани» на Дезертирском базаре, Нодар Баташвили по кличке Бати, тщательно выбритый и холеный, накручивал телефонный диск, с неприязнью поглядывая вокруг холодными глазами.

Рыжий Арчил Тугуши, работник ВЛКСМ, время от времени повторял, что он пропускает уже второе заседание, его наверняка разыскивает начальство и надо позвонить вахтеру.

– Да ты на себя посмотри, кому ты нужен! – отвечал на это Бати, с издевкой указывая на сползшие с задницы Арчила джинсы и не подпуская его к телефону.

Что-то прибирала на загаженной кухне женщина, которую все звали Анкой.

Сам Художник, нищий любитель дармового кайфа, копался в углу. Он был из тех, которые питаются остатками чужих пиршеств, расплачиваясь за это своей хатой, где обычно собирались, ждали, варили из кокнара героин, кололись. Когда все уходило, он заново перерабатывал остатки, выжимая для себя какие-то крохи второй свежести: «вторяк» кайфа практически не давал, но ломку снять на время мог.

Все были удручены. Несчастья сыпались одно за другим. Вначале, несколько дней назад, пропал с деньгами Кукусик – поехал за кокнаром и не вернулся. Потом Рублевка, их обычный поставщик, был избит и ограблен. А теперь вот приходилось мучиться в ломке, ожидая Ладо и Гугу, которые отправились за Красный Мост, в Азербайджан, к татарам, наобум – авось что достанут.

Время от времени кто-нибудь вполголоса ругал Нугзара и Сатану: кинули Рублевку – а остальным что теперь делать?! Всех в логе оставили! Наконец Серго окончательно рассердился, потому что за этот кидняк винили в основном его. Блестя лысиной, он заявил, что во всем виновата советская власть:

– Всюду дефицит! Было бы лекарство – стал бы я Ладо беспокоить? Или привязались бы эти бандиты ко мне? А так... Да они просто не выпускали меня из машины – и всё!.. Вы что, Нугзара не знаете?.. Сатану?.. Да и кто, в конце концов, этот вонючий Рублевка? Барыжная рожа, мать его!

– Рожа-то он рожа, но вот видишь, теперь без лекарства сидим! – злобно начал точить его Бати. – Нугзар и Сатана сейчас по грамму делают, а мы сидим и хер сосем!

– Ты, может, и сосешь, а я просто жду! Да что ты ко мне привязался? Я, что ли, Рублевку кинул? – окрысился Серго. – Или запретишь бандюгам барыг кидать? Кинули – и всё. Ни тебя, ни меня не спросили!

– Не надо было им вообще барыгу показывать! Не в свое дело сунулся!

– Не показывать? – повысил голос Серго. – Вот я бы посмотрел на тебя, как это ты вору в ломке барыгу не покажешь! Я припарковался, хотел «Боржом» купить, Сатана меня заметил – и всё.

Художник, желая унять спор, поинтересовался, куда они отправились после кидняка – он был немного обижен, что они не приехали к нему, и мысленно облизывался, представляя, сколько «вторяка» осталось бы после них.

– Мы уже ехали к тебе, но по дороге Сатане взбрело в голову ехать колотиться в какой-то подвал, где ему первый раз в жизни сделали морфий... Это где-то наверху, около ресторана

«Самадло»... Можно прямо в горы уйти по тропинкам... Какая-то комната, карманники, карты, водка, грязь, вонь... Ангидрида совсем мало было, иглы старые, тупые, гнутые, с заусенцами! Воды нет, шприц треснутый, пузырь грязный, выпарить ангидрид не на чем – ни миски, ни тарелки чистой! Щипачи стаканами чачу пьют! Всюду объедки, окурки, водка разлита, пьяные дети под столом дерутся. В общем – конец света! Адский ад!

– Сколько забросили варить? – поинтересовалась из кухни Анка.

– Не знаю, у них заход лошадиный. На мазут было лекарство похоже. Черное, как нефть! – Серго махнул рукой. – Эти звери себе по четыре захода вмазали, я и Ладоса всего разок по два куба пустили – и чуть не подохли! Я потом дома весь вечер около унитаза провел. Наизнанку выворачивало, даже дети спрашивали: «Что с тобой, папа? Опять отравился пирожками?» – а жена, кобра, говорит им: «Да-а, что-то ваш папа часто травиться стал пирожками уличными!» А мать только сидела и плакала...

В это время Черный Гогия заворочался и оглушительно икнул. Из его громадного носа лились сопли, глаза были полны слез. Он взревел, кашляя и захлебываясь мокротой.

– Чихает! – с уважением оказал Тугуши, опасливо поглядывая на гиганта.

Переждав, все опять обратились к Серго:

– Ну, дальше!

– Что дальше?.. На прощание дали нам с Ладосом по чеку и исчезли... Я свой чек наутро сделал, – поспешил подчеркнуть он, увидев возникший на лицах плотоядный вопрос. – Уж как Сатана бедного Рублевку бил!.. Сам я не видел, в машине сидел, но Ладос рассказывал... Ребенка за волосы в воздух поднял, чуть не прирезал!

– Подлец! – сказал Художник возмущенно.

– Правильно. А что делать, если барыга не раскалывается? – важно заметил Тугуши, на что Бати засмеялся:

– Да ты, клоун, хоть раз в жизни живого барыгу видел хотя бы издали, специалист херов?

Художник тоже накинулся на Тугуши:

– Что правильно? Что правильно? Ты свихнулся? При чем тут ребенок? Он-то в чем виноват?

– В том и виноват, что сын барыги, – отозвался Тугуши.

– Сын за отца не отвечает. Это еще ваш кумир сказал.

– Сталина не трогай! При нем порядок был и морфий в аптеках продавался! – возмутился Тугуши.

Тут Черный Гогия, сев на кушетке, тяжело дыша и загнанно озираясь по сторонам, жестами попросил воды. Он явно не понимал, где он. Анка принесла ему стакан, но он после первых же глотков опять начал икать, потащился в туалет, где начал блевать так зычно и гулко, что Художник поспешил закрыть окна: соседи услышат! Но Бати заставил открыть их снова:

– Задохнемся! Будто твои соседи не знают, что у тебя творится! Зайдут десять нормальных человек – и вываливаются через час с красными мордами, как задницы у павианов. Один раз вызовут на нас ментов, попомните мои слова! Открывай, задохнемся в этом карцере!

Разговор опять вернулся к Рублевке. У него они давно брали лекарство, и всегда все было в порядке, Рублевка всех устраивал – быстро, тихо, надежно. Но вот кинули его, и надо искать нового.

– Еще, оказывается, Рублевка после кидняка выпрашивал у Сатаны лекарство, ломку снять, – сообщил Серго, тщательно обтирая платком шею и голову. – Хотя чему удивляться? Помню, когда у Чурчхелы мать повесилась, он все равно пришел на стрелку и тоже выпрашивал у всех лишний заход – мол, мать повесилась, пожалейте!

– Из-за него она и повесилась, между прочим!

– Где сейчас этот Чурчхела?

– Кто его знает? Подох, наверное, где-нибудь... Он же все на Украину за кокнаром ездил...

Опять вспомнили Сатану и Нугзара – гуляют, небось, с бабами, колются, видео смотрят, фирму курят, а ты сиди тут и жди, когда от татар приедут... Привезут ли еще?.. Неизвестно.

Из туалета неслись харканье и хрюканье. Потом Черный Гогия вылез и обвел всех бессмысленным взглядом из-под черных, сросшихся бровей. Его спортивная куртка была вся загажена.

– Уф-ф-ф... – протянул он тоскливо, делая суставчатыми мосластыми руками какие-то движения и повалился на кушетку.

– Что с тобой, Гогия? – забеспокоились все.

Труп был тут никому не нужен. Один Бати безучастно смотрел на мучающегося гиганта.

– Ох и ломает его! – пожалела Гогию Анка, мокрой грязной тряпкой отирая с него блевоту.

– Где же они, в конце концов?! – встревоженно произнес Серго, меряя мастерскую шагами. – У меня совещание в четыре. Как я там в ломке буду сидеть?

Что-то вспомнив, он кинулся к телефону, почти вырвал его из рук Бати, долго набирал номер, так же долго просил кого-то позвать, ждал, опять долго просил кого-то кому-то что-то передать. Бати принялся ругать бандитов:

– Кинули – и всё! А мы? Мне тоже в торг надо... Сколько, кстати, денег дали Гуге и Ладю?

Художник принялся считать:

– Гогия дал триста рублей. Тугуши – сто. Серго – свои сто и пятьсот чужие. Анка – пятьдесят. У самого Туги был чужой столтник. И ты дал сорок три...

– Сорок три? – возмущенно переспросил Тугуши, вертя рыжей головой. – Уж и не помню, чтобы Бати хоть раз положил что-нибудь круглое! Всегда у него то двадцать семь рублей, то двадцать восемь... Сегодня вот сорок три. А сам миллионными ворочает у себя в магазине! Как ни войдешь к нему – полки пустые, покупателей нет, а продавцы столтники считают...

– Тебя не спрашивают! – огрызнулся Бати. – За своей задницей следи!

– Как это меня не спрашивают? А заход будешь требовать полный! – закипятился Тугуши.

– Да кто ты такой, сопляк, чтобы мои заходы считать? – Бати встал вплотную к Тугуши. Он не любил Тугуши, как, впрочем, и всех остальных на свете.

– Хватит, без вас тошно! – попросил Серго.

Минут двадцать все в молчании бесцельно бродили по подвалу. Самое страшное – ждать. Намного легче бегать, ездить, искать самому, чем сидеть и ждать, ждать, ждать...

Тут Черный Гогия со стоном попросил его поднять. Тугуши и Художник потащили его в туалет, сгибаясь под тяжестью громадной фигуры, обвисшей, как труп. Одна рука гиганта волочилась по полу, другой он цеплялся за шеи парней, хлюпая носом и пуская слюни. Лицо его искажала идиотская улыбка, но потухшие глаза были угрюмы и злы.

– А когда они уехали? – тоскливо спросила Анка.

– Да часов шесть, не меньше...

– Может, они в Гянджу дернули?

– Они к Сайду собирались, в Казах, – уточнил Художник.

– К Сайду?.. Да у него лекарство негодное, – поморщился Бати.

– Кто тут уже о кайфе думает?! Лишь бы ломку снять, – отозвался Серго. – И что за жизнь проклятая?! Даже наркотиками не могут обеспечить население!.. Спичек – нет, пасты – нет, мыла – нет, кайфа – нет! Одна перестройка кругом недоделанная... Ее не хватало! Раньше хоть лекарство было! А сейчас ничего нет!

В туалете что-то гроыхнуло, упало. Дощатый пол мастерской вздрогнул.

– Гогия навернулся! – поспешил на шум Художник.

Из туалета доносились стоны. Потом вылез Черный Гогия. Качаясь, он по стенке дотасился до кушетки. Ежился, вздрагивал, делая руками такие движения, будто что-то набрасывает на себя. Его бил озноб, и кушетка скрипела под его громадным телом.

В этот момент раздался стук в дверь. Художник кинулся открывать. На пороге возник мужчина в возрасте, одетый в белоснежный костюм и черное шелковое кашне с узорами. Он снял темные очки, оглядел мастерскую, нашел глазами Серго и спросил у него упавшим голосом, брезгливо не переступая порога:

– Не приехали еще?

– Пока нет... Ждем.

Мужчина в растерянности сложил дужки очков.

– Что же делать? И не звонили?

– Нет.

– Клянусь двумя внуками, никогда в жизни больше с вами не свяжусь! Мальчишки! – покачал он седой головой и, не слушая объяснений Серго (это был его знакомый, какой-то чин из Совмина), вышел, громко хлопнув дверью и бросив напоследок: – Я буду у себя в кабинете.

– Рассердился! – сказала Анка.

– Рассердился, ничего себе! Пятьсот рублей дал, а лекарства нет. Вы бы видели его компанию – все уже дедушки, на тысячи берут... Сейчас, видно, у них кончилось, вот и обратился ко мне. А я подвожу, неудобно, – проговорил Серго.

– Да ты просто сломать оттуда надеялся, а лекарства нету и ломать неоткуда! – злорадно заметил Бати, опять берясь за телефон и передразнивая Серго: – «Неудобно»!

Серго махнул рукой, ничего не ответил. Все ходили из угла в угол. Изредка кто-нибудь приближался к окнам и с тоской осматривал пустой двор, где сустились воробьи, валялись разморенные кошки и две женщины развешивали белье на веревках. Разговаривать ни о чем не хотелось. Бати от нечего делать рассматривал картины на стенах, которые потускнели и местами даже закоптились от бесконечных варок.

– Продаешь их? – спросил он наконец.

Художник замялся.

– Охота тогда тебе их малевать! Кому они нужны?

– Он для себя рисует. Что ты понимаешь?! – вступилась за Художника Анка.

– Ох, ты тут большой специалист по кларнету! Будешь еще много рассуждать! – злобно оборвал ее Бати.

– В живописи она мастер! – засмеялся Серго. – Ты спроси ее, куда она дела рисунки Гудиашвили, которые тот дарил ее бабке, известной пробляди?

– Куда она могла их деть? Проширяла, наверное...

– Она сделала с них копии, а подлинники продала евреям, которые в Израиль сваливали. Так?

– Так, – подтвердила Анка, и улыбка возникла на ее иссохшем лице. – Потом в Азию поехала, в Бохардын... Ну и ширилась же я там полгода!.. Прямо в маковом поле!

Все опять стали подходить к окнам, всматриваться в пыльных кошек, слушать, не грохочет ли машина Туги, которую по глушителю было слышно за версту. Духота стояла адская.

Сырые стены не давали дышать. Из кухни воняло. Ожидание и неизвестность невыносимы. Вдобавок нет воды, туалет смыть нечем.

Так прошло еще около часа.

Вдруг Анка, стоящая у окна, крикнула:

– Приехали!

Все с грохотом повскакали, кинулись к окнам. Действительно, из запыленной машины устало вылезали Туга и Ладо.

– По рожам видно – пустые! – со злобой определил Бати.

– Не каркай! Неизвестно... Вон Туга будто улыбается!

– Какой там улыбается! Это у него в ломке мускулы не держат, – объяснил Тугуши.

– Хмурые идут оба, хму-у-рые...

– Плохо дело...

Войдя в подвал, Туга швырнул на стол деньги.

– Пролет. Никого нет. Сайд уехал в Кисловодск отдыхать. Вагифа забрали. Курбан в больнице, Сабира не нашли, Абдуллу ждали три часа – ничего не принес. На Красном Мосту полно псов из управления, хорошо еще, вены не проверили...

– Что же делать?

– Не знаю.

Анка принялась снимать фартук. Все подавленно молчали.

– Поеду к Изольде, может, там что-нибудь есть...

– Это в Мухиани⁹, что ли? Опять часами ждать! – со слезами в голосе произнес Тугуши.

– Рабство, – пробормотал Серго, вытирая лысину.

Вдруг Бати, пристально смотревший на приехавших, зловеще сказал:

– А вы, ребята, в кайфе!

Туга смутился. Тут и другие увидели, что они почесываются и курят большими затяжками. Ладо ответил:

– У меня был чек от Нугзара. Мы по дороге заехали ко мне, в подвале ширнулись. Там и на двоих-то еле хватило. Что было делать? Так бы мы до татар не доехали...

Что отвечать? Деньги – вот они. А опиума нет. Все подавленно молчали, только Бати что-то угрожающе бормотал сквозь зубы да тяжело ворочался на кушетке Черный Гогия.

⁹ Новый район Тбилиси.

4

После оперативки майор отпустил всех сотрудников, кроме двоих. Мака из угла отрешенно глядел в окно. Пилия сел за стол.

– Что нового по Кукусику? – спросил майор.

– Он чуть не свихнулся, когда я объявил ему, что против него возбуждается уголовное дело, – ответил Пилия.

– А он как думал, подлец? Заложил своих дружков – и всё? – усмехнулся майор, поправляя на пустом столе ручку и пепельницу.

– Когда я показал ему папку, он чуть не обкакался. Плакал, кричал, что мы слово дали... Потом сник и выдал еще один список! – сообщил Пилия.

– Большой? – заинтересовался майор.

– Человек на десять.

– Хорошо! – обрадованно захохотал майор. – Это же клад, а не Кукусик!

– А ты такой клад хотел в тюрьме закопать, – заметил Пилия.

– Э, да ничего я не хотел! – махнул рукой майор. – Чем эти списки отличаются?

Пилия открыл папку:

– В первом списке он, дурачок, попытался схитрить: написал имена известных в городе морфинистов, которые или сидят, или умерли, пустые номера, Стандарт, Карандаш, Вазо, Амир... И несколько имен детей вакийских и сабурталинских¹⁰ шишек, устанем на телефонные звонки отвечать и отпускать...

– Чтоб они провалились! – сквозь зубы проворчал Мака. – Бегаешь, ловишь – а толку?

Но майор возразил:

– Не торопись, Мака! Это самый выгодный товар! Ты что, не знаешь, как обстоят дела с наркотиками? Никто и пальцем не пошевелит, чтобы помочь, никто! Лучше за убийцу просить, чем за морфиниста! Звонить-то они звонят, но если до большого шума довести, то все эти звонители тут же в кусты дрыснут и замолкнут! Или большие деньги принесут. Ну, а второй список?

– А второй – реальный. Плюс парочка адресов, где они колются, – сообщил Пилия.

– Кто хозяева хат? Знаешь?

– Какое имеет значение? Не знаю – узнаю, куда они денутся? – пожал плечами Пилия.

– Ладно, всё в рабочем порядке. Прямо сегодня и начните прочесывать по реальному списку, – велел майор.

– Ты как, Мака, в форме? – спросил Пилия у напарника.

– Мне все равно, – обронил безучастно Мака. Он недавно перешел из транспортной милиции в угрозыск, еще до конца не вник во все тонкости и поэтому инициативы не проявлял. Им лучше знать, с чего начинать и чем заканчивать. Он уже понял, что ему, как новичку, в любом случае достается меньше всего из общего улова.

– Ну-ка, дай сюда! – И майор, нацепив очки, взял лист и начал вслух читать: – «Шалико Сванидзе, студент ГПИ. Родители в деревне, где живет, не знаю. Два раза курил с ним анашу»...

– Насчет Сванидзе я уточнил у него потом. Знаю курс, факультет и адрес, – вставил Пилия.

– Ну и бери его прямо в этом ГПИ. Сколько мы уже переловили в Политехе идиотов – а все новые появляются. Удивительно! Их что там, на лекциях специально учат наркотики принимать? – поморщился майор и вернулся к чтению: – Так... «Гуга Арвеладзе, доктор.

¹⁰ Ваке и Сабуртало – центральные районы Тбилиси.

Несколько раз брали вместе опиум. Где живет – не знаю, что делает – не знаю, телефон не знаю». Короче, ничего не знает, гад! Что за доктор?

– Я уточнил. Этот Гуга – медик, работает в лаборатории при психиатрической больнице.

– Это в лаборатории бывшего министра? – уточнил майор.

– Они там все кайфуют, – проворчал Пилия, приглаживая короткие волосы.

– Доктор, доктор Айболит, у меня яйцо болит! С доктором поговорим по-научному! – развеселился майор. – Так, это кто? «Двали Серго, лысый, инструктор райкома или что-то такое»... Какого района?

– Ленинского.

– В такую даль переть! – заметил Мака, закуривая.

– Отец Двали – партком цементного завода, кажется... Кукусик точно не знал, – сообщил Пилия.

– О, очень хорошо, цементный завод – это просто отлично! – расплылся майор. – С этого Серго и начнем. Так, дальше... «Тугуши Арчил. Познакомились в Бакуриани¹¹. Несколько раз курили анашу. Работает в комсомоле, который в Сололаки».

– В ЦК комсомола, что ли? В этом ЦК года полтора назад, помню, столпотворение было – кто-то кодеин продавал, то ли вахтер, то ли инструктор, – вспомнил майор.

– Ты путаешь, – поправил его Пилия. – Вахтер продавал в Министерстве здравоохранения, а в ЦК работал тот клиент, через которого мы вышли на валютчиков. Еще из профсоюзов звонили, помнишь, просили отпустить?

– Ладно, дальше! – поморщился майор. – «Нодар Бати, директор магазина на базаре, три раза кололись вместе». О! Гусь! Директор на базаре! – Майор поднял палец. – Это самое вкусное!

– Да, это в точку! Я уточнял – директор магазина тканей на Дезертирке... – сказал Пилия.

– Его я беру на себя! – перебил майор, но тут Мака заскрипел стулом:

– Нам, значит, комсомольцы и коммунисты, а тебе – директора базаров и магазинов?

Пилия удивленно обернулся к нему.

Майор развел руками, досадливо объяснил:

– Что значит – мне? Нам, нам! Мы, по-моему, вместе работаем! Ты брось эти штучки – мое, твое! Это у вас в транспортной, наверно, так было: кто успел, тот и съел, кто зайца поймал – тот его и зажарил, а?... Тут не так, дорогой мой! Тут мы в группе и друг друга уважаем! Ты хороший парень, я сам взял тебя, знаю, что у тебя больна мать, что ты игрок, что тебе нужны деньги, что у тебя долги, но держи себя в руках! – внушительно взглянул на него майор и вернулся к списку: – Так... «Художник, у него на хате колются»... Адрес... Хорошо. А это что за «Ладо-морфинист»? Ничего нет, только телефон...

– Он не знает ничего, кроме телефона, да и то не уверен... Сказал, что этот Ладо недавно ходит к Художнику...

– Проверим... «Анка, бездомная блядь»...

– Бездомная? Что с нее возьмешь? – проговорил Мака, чувствуя, что ее обязательно поручат ему: тренируйся, мол, на блядях, пока опыта борьбы с убийцами маловато!

– Это у вас в транспортной было плохо, если бездомная, а у нас это как раз хорошо! Что возьмешь? А сводки, факты, стук-стук? Мало тебе? – опять накинудся на него майор, уставившись в упор голубыми глазами. – За стукачами – будущее!

¹¹ Горнолыжный курорт в Грузии.

– Кстати, я уточнял – эта Анка уже дважды сидела, в третий раз точно не захочет. И вдобавок – голубой боржом, а, товарищ майор? – подмигнул Пилия начальнику. – Говорят, Берия бабам снотворное в вино наливал, а потом трахал их от всей души, пока они дрыхли...

– При чем тут Лаврентий Павлович? – поморщился майор.

– Просто так... А Гита тебе звонила?

– Конечно, – нехотя ответил майор.

– Соскучилась, небось? – усмехнулся Пилия.

– Что тут смешного? – вдруг вспыхнул майор, заметив, как инспекторы переглянулись между собой.

– Она единственно чего не любит, это когда у мужчин зеркальная болезнь, – пояснил Пилия.

– Какая еще болезнь? – подозрительно уставился майор, но Пилия сделал вид, что не слышит вопроса, а Мака спросил:

– Брать когда поедем? Время идет. Днем жарко будет мотаться туда-сюда по городу...

– Да, хорошо, что вспомнил, – вдруг вскинулся Пилия. – Кукусик сказал, что этот Гуга Арвеладзе привез из Москвы какой-то аппарат, который дает кайф!

– Препарат?

– Аппарат.

– Может, эфедрин? – предположил Мака.

– Какой же ты тупой! – в сердцах воскликнул Пилия. – Говорят тебе – аппарат! Понимаешь? Машинка, вроде швейной: на голову что-то надеваешь, включаешь, крутишь ручку – и человек в кайфе!.. Понятно?

– Ничего себе! – присвистнул Мака. – Да с таким аппаратом мы в два счета без работы останемся, на хлеб и воду сядем – весь город будет день и ночь ручки крутить...

– Ну, не будем торопиться. Возьмем этого Гугу – тогда и про аппарат узнаем. Раз привез – значит, не увезет. Езжайте за сыном цементного завода, Серго Двали. Прямо сейчас... – приказал майор и сунул очки и ручку в нагрудный карман голубой рубашки.

– Да, я еще уточнил: проколы есть у всех, можно просто руки посмотреть – и брать! – сказал Пилия.

– Ты, я вижу, так науточнялся ночью, что на Кукусике живого места не осталось наверняка, – засмеялся майор. – Ну, с богом!

Когда Мака вышел в коридор, Пилия, наклонившись к майору и заглядывая в его безмятежные голубые глаза, тихо, но со значением спросил:

– Деньги за Амоева получил?

– На коленях просили подождать еще день. Лето, людей нет, не успели собрать полную сумму. Завтра в десять, – ответил майор, а Пилия покачал головой:

– Уже третьи сутки пошли, не нравится мне это...

Но майор перебил его:

– А мне не нравится, что ты Макаке обещал долю за Амоева!

– Мы же брали его вместе!.. Он даже чуть не пострадал...

– Это его обязанность. Я приказал – он исполнил, и всё! А мы дело раскапывали! Я и ты! Если каждому доли давать – денег не напасешься!

– Он не «каждый», он твой сотрудник, а мой напарник!

– Прошу тебя без моего ведома никому ничего не обещать! – холодно подытожил майор.

Пилия надел фуражку, не забыв, однако, объяснить майору напоследок, что зеркальная болезнь – это когда мужчина может увидеть свою чучушку только в зеркале, а по-другому – пузо мешает.

– Доиграешься у меня со своими шуточками! – прошипел майор ему в спину. – Ты на себя посмотри! Как в том анекдоте, где слон спрашивает верблюда: «Почему у тебя сиськи на спине?» «Не тебе, хуеносому, спрашивать!» – отвечает верблюд.

– Сам ты верблюд. Счастливо оставаться! – не оборачиваясь, ответил Пилия и хлопнул дверью. Мака молча последовал за ним.

По коридору с бумагами и папками деловито ходили сотрудники, о чем-то беседовали, кого-то ждали, искали, звали. Инспекторы поспешили в свой кабинет. Как только они оказались одни, то заперли дверь и оба сразу неувовимо преобразились: лица стали сосредоточенны, движения – резки, слова – отрывисты. Мака начал протирать пистолет, считать патроны, а Пилия открыл сейф, вынул таблетки, разложил их по две штучки и стал методично забрасывать в рот, запивая резкими глотками воды из графина.

Мака неодобрительно поглядывал на него, копаясь в карманах своей куртки. Пилия поджег пустые пачки в пепельнице. В этот момент снаружи властно постучали.

– Кто? – крикнул Пилия, чуть не подавившись.

– Я, Рухадзе! Что вы заперлись?

– Ну, только прокурора нам не хватало! – прошептал Мака и поспешно выбросил тлеющие остатки из пепельницы в окно.

– Дурак, весь двор в бензине! – прошипел в ответ Пилия и открыл дверь. В кабинет вошел щегольски одетый благоухающий прокурор. Уловив замешательство и запах горелого, он с насмешкой спросил:

– Что это вы тут делаете? Марихуану курите?..

– Нет, коку жуем, – отозвался Пилия.

– У меня есть сведения, что вы задержали некоего Кукусика...

– Да, – насторожился Пилия. Но откуда прокурор знает об этом? Арест не оформлялся в сводке, дело не открывалось. – А что?

– Ничего. Просто это мой родственник, сын племянницы. Надо бы с ним полегче... Что у него?

– Пакет кокнара. Идите к майору. Мы люди маленькие, не нам решать, – процедил Пилия.

– Его надо отпустить, а то племянница обидится!

– Есть, товарищ начальник! – козырнул с издевкой Пилия, который, как и все оперативники, терпеть не мог прокуратуры. – Побежал отпускать!

Рухадзе, поозиравшись и покачав головой, вышел.

– Вот петух! – возмущенно прохрипел Пилия, постепенно наливаясь кодеиновой истомой. – Ты представляешь: Кукусик – его родственник! Благоухает, как шлюха! А как-то по пьянке в ресторане заявил майору, что меньше двадцати пяти тысяч баксов не берет, руки не пачкает! Вот так-то, братишка, двадцать пять штук зеленых, не меньше! А тут гоняйся за всякой сволочью по мелочевке! Были бы деньги – ушел в дельцы, клянусь! – угрюмо заключил он и ногой захлопнул дверцу сейфа. – Фактуру для подкидона не забудь!

Мака достал из сейфа два черных пятака опиума в полиэтилене.

– Хватит?

– Добавь еще, жалко тебе, что ли? Чем больше – тем лучше. Мы его все равно попозже обратно заберем... Давай, снаряжайся!

Они сноровисто собрались, почти бегом проскочили коридоры, лестницу и уселись в машину.

– Значит, лысый Серго?.. Ему есть что терять. И ему, и семье, и отцу! Его можно брать голыми руками. Считай, что он уже наш! – сказал Пилия, ловко выводя машину из узких ворот милиции.

В дороге он беспрерывно курил, сипел, чесался, плевал в окно. Кодеин выкрасил его лицо в бурый цвет. Мчался он без всяких правил, сигнала, распугивая попутные машины и показывая неприличные жесты гаишникам, кидавшимся остановить лихача. Мака неодобительно посматривал на него и, когда они были недалеко от цели, сказал:

– Приведи себя в порядок! На обезьяню задницу похож!

– За собой следи! – бросил Пилия, но форменную рубашку застегнул, волосы пригладил, а Мака надел фуражку и даже напялил галстук на резинке.

Оставив машину во дворе райкома, они узнали, где находится нужный им кабинет, и избежали по лестнице. Пилию распирало от кодеина, тянуло лететь по ступенькам хоть на двадцатый этаж. Постучали. Нажали на ручки двери. Вошли.

– Двали? Серго Двали?

Лысый Серго, сидя за столом, опешил:

– Да, я...

– Встать! Руки за голову! – заорал Мака, а Пилия, вытащив из кармана удостоверение и мельком показав его ошолобевшему Серго, добавил: – Угрозыск! Стоять смирно! Не шевелиться!

– Угрозыск? – ошеломленно повторил Серго, задирая руки на лысину. – В чем дело?

– Вы арестованы! – сказал Пилия и брякнул на стол бумагу. – Вот ордер! А теперь ценности, наркотики, оружие, деньги – на стол! Быстро! Из карманов, из стола, из шкафов – всё сюда! – И он громко постучал рукояткой пистолета по столешнице.

Серго, не снимая рук с головы, выпучил глаза... Полез за платком, но Мака угрожающе перехватил его руку:

– Сказано – стоять смирно! Я сам обыщу карманы!

И вот на столе, среди связки ключей, райкомовской книжки, зажигалки и мелочи, блеснул складной нож. Пилия, открыв его, подбросил на ладони, приложил пятерню к раскрытой ладони:

– Пять пальцев! – а потом, понюхав и внимательно рассмотрев лезвие, добавил: – Когда в следующий раз будешь ножом опиум с чеков снимать – не забудь обтереть его потом как следует. Или содой вычистить. Впрочем, тебе нескоро придется это делать.

И он, бросив раскрытый нож в бумажный пакет для вещдоков, отправился к шкафу, полки которого были уставлены красными томами Ленина. На нижних полках пылились папки и брошюры. Пока Пилия, сев на корточки, шарил в шкафу, Мака переворошил ящики стола и извлек оттуда пустую пачку из-под сигарет, из которой торжественно вытряс на стол шприц, иглу и пузырек из-под валидола, на дне которого виднелась бурая масса. Приоткрыв крышку пузырька, он понюхал его, поморщился и дал понюхать Пилии.

– Вторяк!.. Да он скис у тебя! В холодильнике надо хранить раствор, – не вставая с корточек, посоветовал Пилия. – Хотя вряд ли ты в ближайшее время увидишь холодильник. А это что?.. – и он, вдруг поднявшись с раскрытой книгой, кинул на стол два чека. – Вот где он, мерзавец, опиум прячет! В Ленине!

Серго, сразу не поняв, что к чему, только рот открыл. В этот момент в дверях без стука появилась секретарша с папками в руках. Увидев мужчин (Мака успел закрыть собой стол), она растерянно посмотрела на Серго, стоящего с руками на затылке:

– Тут бумаги пришли из ДОСААФа...

Серго, сделав вид, что он просто потягивается, буркнул:

– Потом, потом, я занят!

Девушка исчезла. Пилия, не обращая внимания на протесты Серго, зычно произнес:

– Закатать рукава! Показать вены! Снять носки! Ноги показать! Быстро!

– Что вы от меня хотите? – жалобно произнес Серго. – Зачем снимать носки? Это вы подкинули мне опиум!

– Ты на него только посмотри! Пол-Грузии отравил – и отпирается, ублюдок! – усмехнулся Пилия. – Значит, так: ты обвиняешься в хранении, употреблении и распространении наркотических веществ! Ясно? Вены покажи, ублюдок! – зарычал он.

Серго покорно задрал рукава. Пилия грубо вывернул его руки, осмотрел вены на сгибах рук, пощупал «обратки» – вены на задней стороне, около локтей.

– Весь набор – проколы, мозоли, шрамы! – торжественно сообщил он. – Вот это, – ткнул он в красные точки на венах, словно простроченных на швейной машинке, – употребление! Вот это, – он указал на стол, – хранение! О распространении поговорим в отделении, когда прочтешь показания тех, кому ты продавал наркотики. Нам все известно! От и до! Учти... Твои сотоварищи уже сидят. Анка в ломке, жалуется, что по камерам опиум не разносят. Тугуши, идиот, уже в тюрьме, а Художник ждет на хате, когда мы его брать поедем. Вот так! – Сказав это, Пилия еще раз удовлетворенно осмотрел онемевшего райкомовца и добавил для убедительности: – Теперь позовем понятых! Секретаршу, например...

– Не надо, – покраснел Серго. – Какие понятые? Не надо понятых.

– Как это «не надо»? А протоколы обыска, ареста? – прищурился Пилия. – Ты что думаешь, мы зря тащились сюда к черту на рога?

– Вы сами мне подбросили, – попытался снова протестовать Серго, но Пилия попер на него корпусом, приговаривая:

– Что-о-о?! Опять? Может, и уколы мы тебе делали? И мозоли наварили, а? – И он угрожающе занес кулак.

Съежившись и все поняв, Серго взмолился:

– Не надо понятых! Это же конец, конец!

– Конечно, конец! – зловеще предрек Пилия и обернулся к Маке. – Складывай улики в кулек. Значит, не надо понятых, говоришь? – опять обернулся он к Серго. – И не стыдно тебе – работник райкома, а в Ленине опиум прячешь?! Да тебя будут показательно судить! Как Кобахидзе¹², поставят к стенке за особый цинизм! Тот под портретом Ленина взятки брал, а ты в Ленине опиум хранишь! Улавливаешь? Думаешь, раз перестройка – то и опиум в Ленине прятать можно? Едем сейчас к тебе домой, обыск! Вот ордер! – И он показал издали очередную бумажку.

– Не надо, я не поеду домой! – Серго сел на стул и закрыл лицо руками.

– Как это не поедешь? Кто тебя спрашивать будет? Ты преступник, – нагнулся над ним Пилия, грубо поставив ногу на сиденье стула, где обмяк Серго. – Мы давно следим за вашей шайкой. Среди вас не первый день наша насадка шурует, вы все в помоях по уши!

Серго выдавил:

– Может, мы решим этот вопрос как-нибудь... по-другому?... По-дружески?... По-человечески?... Зачем вам мне жизнь портить?..

– По-человечески? – рявкнул Пилия. – Ах ты, гнида! Детям в школах наркотики продавал, а теперь: по-дружески?!

– Каким детям, что вы говорите? – ужаснулся Серго.

– Сам знаешь каким. Нам все известно! – повторил Пилия, как заклинание. – Думаешь, мы в угро чем занимаемся? Пирожки хаваем, харчо на голову мажем? Давай, собирайся, сейчас едем к тебе домой, а потом напрямик в тюрьму.

– Не надо домой! Там ничего нет, клянусь вам! Там жена, дети, семья! Не надо! – ссохшимися губами молил Серго. – Они умрут... Неужели нельзя... как-нибудь... По-хорошему...

– Что ты имеешь в виду? – застыл Пилия с сигаретой в зубах. Мака, ковыряясь в шкафу, тоже насторожился.

¹² Секретарь райкома, приговоренный к расстрелу за взятки.

– Сколько?.. – выдавил Серго.

– Это ты должен сказать, сколько. И когда... – прищурился инспектор.

Запнувшись, Серго произнес:

– Штука...

– Что-о-о? – с презрением и разочарованием протянул Мака, а Пилия сказал:

– Ты, видать, не в нашей стране живешь... Или свихнулся. Что за цифру ты называешь? Издеваешься над нами, а? Вся милиция в курсе! Начальник управления знает! Прокурор! Весь город! А ты говоришь – тысяча. Так, будем оформлять. Видно, он думает, что мы в детском саду работаем.

– Нет! Нет! – закричал Серго. – Баксов, баксов! Даже если я перевернусь – больше не соберу... Это же все-таки доллары!

– Не надо переворачиваться! Понятых не хочешь, дома обыска делать тоже не желаешь, в тюрьму не торопишься и даешь за все вонючую штуку, которой мне на сигареты не хватит? – язвительно прищурился Пилия.

Серго попытался что-то сказать, но Пилия рывком поднял его за лацканы пиджака:

– Если хочешь по-мужски, то слушай: штук пять-шесть зеленых мы бы взяли и ушли без разговоров, а ты бы пошел свой прокисший вторяк делать. А так!.. – И он отбросил Серго обратно на стул. Тот грохнулся на сиденье и со вздохом безнадежно развел руками. – Бежан, все вещдоки со стола в кулек! В милиции оформим. Сейчас к нему домой...

– Отец умрет, мать сойдет с ума, – прошептал Серго, на что Пилия жестко возразил:

– Раньше о чем думал, болван?

Мака побросал в мешок шприц, иглы, пузырек, чеки, мелочь, нож, зажигалку, удостоверение. А связку ключей, прежде чем бросить, тщательно осмотрел и спросил:

– У тебя какая машина?

– «Шестерка».

– Сколько лет машине?

– Три года. А что?

– Ничего, пошли, – прервал этот диалог Пилия.

Тупо, как робот, шагал Серго между инспекторами. Он мало что соображал. Больше всего на него действовало перечисление имен и фамилий. Это окончательно парализовало его. Значит, знают! Значит, следят! Имеют факты, открыто дело! Конец! Тюрьма! Срок! Все рушится!

Но тут его осенило: «А если отдать им машину?» Он произнес это вслух. Мака промолчал, а Пилия ответил:

– Не поможет! Больно старая она у тебя.

Но во дворе они втроем подошли к синей «шестерке» и стали мирно осматривать и оценивать ее, причем Серго хвалил машину, а инспекторы молча и внимательно оглядывали, садились внутрь, заводили мотор и даже сделали пару кругов по двору.

По пути в отделение на слепящем повороте под мостом Пилии почудилось, что их обгоняет автомобиль, из которого какой-то тип целится в него. Он пригнулся, напугав этим движением Серго. Но выстрела не последовало, и Пилия понял, что ему опять померещилось... С начала лета, как пошла жара, уже несколько раз ему казалось, что в него целится один и тот же человек, причем происходило это в разных местах – в потоке машин, на улице, возле киосков, даже в коридоре милиции... Началось это с того, что один вор пригрозил ему при аресте: «Ты жить спокойно не будешь!» С тех пор редкие, но панические припадки страха не оставляли Пилию: ему казалось, что в него целятся, или за ним следят, или кто-то в толпе надевает перчатки, чтобы придушить его, или лезет в карман за ножом, чтобы зарезать. Он боролся с мороком, понимая, что это вздор, но человек опять появлялся. И Пилия ничего не мог с собой поделать...

В зеркальце он видел, как сзади едет на конфискованной машине Мака. А Серго молча смотрел на дорогу. Его бил озноб, и он невпопад отвечал на редкие вопросы Пилии, где и на кого оформлена машина.

5

По дороге в Цхнети¹³ двигалась серая «Волга» директора текстильного комбината Солико Долидзе. За рулем отдувался сам хозяин, тучный мужчина лет пятидесяти. Миновав разъезд, он с трудом въехал в узкий тупичок, впритык к воротам белой дачи, шлепнул дверцей машины и проник во двор сквозь калитку. Не без опаски поглядывая на пса, дремавшего возле будки среди кур и цыплят, миновав навес, под которым возились дети, он очутился в доме. Сверху доносились негромкие мужские баритоны.

На втором этаже, на увитой виноградом веранде, за круглым столиком играли в карты. Возле каждого игрока – придавленные чем попало стопки денег, пепельницы, зажигалки, красные «Мальборо» и желтые «Кэмэл». Жужжали два больших вентилятора.

– Всем – мое почтение! – откланялся Долидзе.

Мужчины подняли глаза от карт.

– А, Шотаевич... Давно не виделись! Как дела? Как семья? Как дети?

Хозяин дачи, очень высокий и худой мужчина, тоже кивнул, но не особенно приветливо, и сердито прокричал во двор:

– Эй, вы там! Опять калитку не запираете, черт бы вас побрал! Сколько раз повторять?!

– Была закрыта, Элизбар, видно, дети открыли, – ответили снизу.

– Закройте как следует!

– Что это с ним? Чем он взволнован? Почему сердитый? – вполголоса спросил Долидзе у игроков.

– В плохом настроении – вчера шестьдесят тысяч проиграл. И сегодня уже пять, – пояснил один из играющих. – Не везет ему – вот и все. Бывает.

– Мы ему советовали не играть сегодня – так нет, все-таки играет! – в тон добавил другой игрок, седой и моложавый, а Долидзе подумал, что этот точно не жалеет о том, что Элизбар сел играть в невезучий день.

– Не ваше дело, играю я или нет! – довольно резко ответил хозяин дачи и покосился на Долидзе. – В чем дело? Что случилось?

– Несколько слов, Элизбар, – просительно ответил Долидзе, подавив вздох, что не укрылось от хозяина дачи.

Он покачал головой, перебрал карты, которые третий день не выпускал из рук, бросил их на стол и направился в комнаты. Уселись. Долидзе взволнованно сообщил, что у него на комбинате ожидается большая ревизия.

– Успеем до их прихода вывезти левое сырье? Должны успеть! – занервничал Элизбар Дмитриевич.

– Боюсь, что нет! – закрыл глаза Долидзе. – Времени в обрез! Там тонны... А ревизия – близко.

– Завтра с утра займусь этим – найду грузовики. Узнаю, что за ревизия.... Что еще?

– Еще... – Долидзе вздохнул. – Еще звонил из Узбекистана Паико. Эти проклятые чучеки опять расплатились с нами опиумом... – с трудом выговорил он. – Представляешь, тридцать кило опиума дали!

Элизбар Дмитриевич побледнел:

– То есть как?

– Только не волнуйся, Элико, – взмолился Долидзе. – Второй инфаркт никому не нужен! Валидол?

¹³ Дачный пригород Тбилиси.

– Засунь себе... – выкрикнул Элизбар Дмитриевич, откидываясь на спинку кресла. Посидев так, он с натугой произнес: – Объясни, как это получилось. Мы же договорились, что больше подобного не будет?

Долидзе молчал.

– Это ты во всем виноват! Ты придумал – вместо денег опиум брать! – прошипел Элизбар Дмитриевич.

– Почему я? Мне предложили – я тебе предложил, а ты согласился! – ошетинился Долидзе. – Я тут ни при чем! Ты свое «да» сказал! Сказал бы «нет» – и не было бы ничего.

– Соблазнил, дьявол! «За рубль можно сто получать!» Вот и получили!.. Мало мы намутились с той отравой?.. В первый раз они дали нам три кило. Ты тогда радовался, говорил, что в городе три кило превратятся в сто тысяч. Хорошо, взяли... Забыл приключения потом?.. Забыл?.. – Элизбар Дмитриевич в ярости стукнул по столу. – Уже тогда я сказал тебе, чтобы этого больше не было! – Он провел пальцем перед носом у Долидзе, который, сложив ладони между колен, сидел, как школьник. – А ты что? Второй раз они всунули нам десять кило! Хорошо еще, Мераб согласился в Москву половину увезти! Один раз сделали одолжение, два раза – и все, хватит!.. И где это видано – опиумом расплачиваться?.. Теперь вот пожалуйста – тридцать кило! Да ты, я вижу, очумел! Давай рассчитаем. Они нам должны что-то около трехсот тысяч долларов, так? И вместо денег они дают тридцать кило опиума. Значит, кило они оценивают в десять тысяч? Так?

– Так.

– А тут сколько за кило этой отравы можно взять?

– Тысяч тридцать... Если оптом. В розницу – намного больше, – ответил Долидзе.

– А кто эту розницу будет осуществлять, ты подумал об этом, идиот, кретин?! У тебя от жадности совсем мозги набекрень съехали! – замахал руками Элизбар Дмитриевич.

– Тише, тише! – закудахтал Долидзе и, видя, что цеховик хватается за сердце, хотел расстегнуть на нем рубашку, но тот злобно оттолкнул его:

– Это была твоя идея, твоя! Конечно, чучмекам выгодно платить опиумом – они его там, у себя в кишлаках, за гроши скупают, а нам за тысячи всовывают! Кто будет возиться с этим? Кто будет продавать – ты? Я? Кто, я тебя спрашиваю?! И где? Не видишь обстановку? Всех снимают, переводят, тасуют! Перестройка ебучая!

– При чем тут я, что ты ко мне привязался?! Я человек маленький. Когда впервые приехал из Азии этот проклятый Убайдулла, не ты ли вместе с другими согласился принять этот опиум в оплату долга?! – опять напомнил Долидзе.

– Да, но там речь шла об исключительном случае, услуге и о трех кило, а не о тридцати! – рявкнул Элизбар Дмитриевич. – Это было сделано в качестве одолжения, одноразового одолжения!.. А тут уже – система, за это – к стенке пойдем все!

– Те три кило превратились в хорошую сумму, – еще раз осторожно произнес Долидзе.

– Тогда было другое время, другой хозяин, другие отношения, – оборвал его Элизбар Дмитриевич. – А ты своим куриным мозгом не можешь ничего понять, дурак! Ладно. Рассказывай все по порядку про опиум!

– Звонил Паико, из Узбекистана, два дня назад. Ну, тот вор, который на месте курирует сделки... Но по телефону, сам понимаешь, он не мог всего сказать, да и слышно было ужасно, но я понял так, что он поехал получать деньги, а узбеки притворились, будто старый договор в силе, и всунули ему этот опиум, тридцать кило. Что он мог сделать? Это же Азия! И никто не хочет умирать, и никто не хочет, чтоб его зарыли под хлопком! Паико, хоть и вор, но тоже вынужден действовать по обстоятельствам... Он был вынужден взять. Или это, или – ничего! Я тебе еще раньше, когда ты начинал муржиться с Азией, говорил, что иметь дело с цеховиками из Узбекистана непросто и опасно. Они хитрые и изворотливые...

– Я одного не понимаю... Паико туда заслали, чтобы он, как вор, мог постоять за цех, за деньги, за порядок! Или мы анашу курить на бахче его посадили?! – спросил раздраженно Элизбар Дмитриевич.

– Элико, наших в Азии всего трое: один в Ташкенте, другой – в Карши, а Паико – блуждающий! Что они могут? Они, хоть и воры, но тоже люди. И нас, в конце концов, халаты не кинули, чтобы начинать войну!.. Они расплатились сполна и даже больше, если считать как в розницу... А сейчас, если мы не возьмем опиум, надо посылать туда людей и начинать бойню. Нужно это нам?.. Вот Паико и взял. И сидит сейчас с этой отравой, как в ловушке, боится везти... Со всего Союза в Азию угрозыск нагнали, всюду рыщут, наркотики ищут... Раньше там все тихо-мирно было, и на тебе! Как Горбачев пить запретил – так все на анашу и опиум перешли... Да еще этот идиотский следователь-армяшка, как его... Дрян, Гдлян, что ли, воду мутит, проверки туда насылают...

Элизбар Дмитриевич, помолчав, тихо спросил:

– Кто реализует такое количество? Ты вообще представляешь себе, что это такое – тридцать кило? Вон там, за столом, сидит прокурор Рухадзе. Ты бы послушал, что он рассказывает насчет наркотиков и всего, что с этим связано! – начал опять кипятиться цеховик, тыча пальцем в сторону веранды. – За тридцать кило – смертная казнь! Как в Иране.

– Тише, тише!.. А откуда тут взялся прокурор? Этого только не хватало! – настороженно спросил Долидзе.

– Он тоже покерист, в родстве с моей женой, как я ему откажу?! Ты что, наш город не знаешь? За одним столом все хорошо умещаются – и воры, и прокуроры. Этот Рухадзе сам по уши в дерьме! – Элизбар Дмитриевич махнул рукой. – Он столько порассказал... Раньше на десять наркоманов был один информатор, а сейчас на одного морфиниста – десять стукачей. Воров изгнали, в городе анархия и беспредел... Да если сегодня на рынок выйдет хотя бы кило – начнется свалка, морфинисты кинутся на него, их начнут вязать... А тридцать?.. Нет, это гибель! – Он опять в отчаянии махнул рукой. – Я всегда говорил, что это – самая дикая идея: брать опиумом долю, но кто слушал? Брали бы деньгами – и спали бы спокойно. Ты вспомни, какой кровью продали тот, первый опиум! До сих пор хвосты тянутся. Одному дали продавать – сбежал. Второй – подох. Третьего поймали, слава богу, рта не раскрыл, и нам его, между прочим, еще пять лет в зоне кормить. Четвертого убили. Бедный Како в свои шестьдесят пять подсел на иглу, в скелет превратился...

– Просто мы тогда не знали тонкостей этого дела, – возразил Долидзе. – Не знали, кому можно доверять, кому – нет. С ворами не посоветовались. Следить за порядком некому, вот и бардак!

– Между прочим, за того, который сбежал с опиумом, поручался твой вор, – процедил Элизбар Дмитриевич. – И вообще... У всех нас, в конце концов, дети! Мой сын, Кукусик, тоже, кажется, с этим связался – жена видела у него на руке какие-то следы... Если проклятый опиум будет продаваться на каждом углу – что тогда?

– Вовремя ты о детях вспомнил! Пол-Грузии опиумом наводнил, а теперь о детишках толкуешь!.. – зловеще-язвительно обронил Долидзе.

– Ну, ты! – угрожающе зашипел Элизбар Дмитриевич.

Долидзе, подобравшись, стеклянными глазами следил за ним.

Замолчали. Некоторое время слушали смех и обрывки разговора с веранды – картежники, как всегда, под шлепки карт поминали недобрым словом старых жен:

– Весь ужас в том, что надо трахать этих жирных старух. Конечно, у кого будет нормально стоять?.. А ты дай мне молоденькую девочку – такую, какая меня действительно, а не по паспорту, взволнует – и увидишь! Настоящий сухостой пойдет!.. Сам в мальчика превратишься!..

– Аминь. Молодое существо дает тебе жизнь, а старая сварливая дрянь – только отнимает.

– Некоторые молодые тоже сволочные бывают!

– Да, но их хотя бы тянуть приятно...

– Супружеская жизнь – одна скотобойня...

Элизбар Дмитриевич послушал, покачал головой:

– Мне бы их проблемы!.. Значит, так... Опиум взят и обратно его не отдать. Паико везти боится. Придется вывозить товар из Азии...

– У тебя люди, связи, опыт, – льстиво всполошился Долидзе. – Подумай!

– Связи, люди! – передразнил Элизбар Дмитриевич. – Ты тоже не в сарае вырос, мог бы и сам подумать, что делать!

– Да я думаю, думаю, – Долидзе торопливо вытащил из-под воротника крестик и поцеловал его со скороговоркой: – Клянусь Сионом, куском хлеба, горстью соли: если это дело кончится хорошо – никогда в жизни к отраве не прикаснусь!

– Ты и раньше не особенно прикасался, – усмехнулся Элизбар Дмитриевич. – И в тот раз мои люди везли, мои хранили, мои продавали, а ты только деньги принимал и через свой туфтовый комбинат в банк сдавал.

– Кстати, я забыл сказать... – вдруг помрачнел Долидзе. – Вчера Рублевку, одного нашего барыгу, кинули. Отняли четыре тысячи денег и опиума тысяч на десять.

– Вот-вот, поздравляю, – махнул головой, как от надоедливой мухи, Элизбар Дмитриевич. – Лучше бы ты вообще сегодня не приходил! Кто нашел этого Рублевку? Ты? Вот и будь добр отвечать за него. Вернешь эти деньги!

– Десять туда, десять сюда – переживем! – примирительно сказал Долидзе. – Верну! Конечно. Лишь бы уладилось, Господи, помоги!

– И почему это Господь должен всяким мошенникам помогать?.. Как-то неразумно с Его стороны... Короче, сделаем так: я посоветуюсь с кем надо и завтра скажу тебе, что делать. Ровно в час приезжай на наше место к Муштаиду¹⁴. А где Паико?

– Живет в доме Убайдуллы, в кишлаке под Наманганом.

Элизбар Дмитриевич покачал головой:

– Наманган... Вся эта Азия – одно басмачье гнездо! Надо спешить, как бы его там не укокошили и опиум не отняли! Ну, до завтра! Я пошел играть.

И он, не обращая внимания на воркованье Долидзе о том, что ему сегодня лучше не играть, направился на веранду. Долидзе, не имея желания прощаться с игроками, ушел через комнаты и в кислом настроении потащился в городское пекло.

На следующее утро Элизбар Дмитриевич очень рано подъехал к саду, загнал машину на тротуар, возле решеток стадиона, перебрался через бордюр и зашагал в сторону каруселей. Дворники в желтых безрукавках мели розовые дорожки.

Неподалеку от каруселей он увидел троих пожилых мужчин в дорогих спортивных костюмах. Они молча делали какие-то странные движения: присев, медленно вращали руками, застывали в этом вращении, меняли позы и опять чертили в воздухе непонятные знаки и фигуры. Большой Чин кивнул ему, но гимнастики не прекратил, продолжая тщательно и сосредоточенно делать упражнения.

Элизбар Дмитриевич, зная, что эта глупость называется «ушу», модная гимнастика, сел на скамейку и принялся ждать, с внутренним раздражением наблюдая за троицей: «И не лень им эти дурацкие круги чертить? Больше им делать нечего! Заботятся о себе, сто лет жить хотят! А почему не хотеть, с их доходами?»

¹⁴ Парк отдыха в Тбилиси.

Наконец, Большой Чин сел рядом на скамейку и начал обтираться махровой тканью с иероглифами. Элизбар Дмитриевич, стараясь ничего не упустить, рассказал все, что узнал вчера об опиуме. Большой Чин долго молчал, с неприязнью поглядывая на Элизбара и комкая в руках полотенце. Затем ответил:

– Ясно. Знаешь, мой милый... И ты, и он, и все вы попросту аферисты и авантюристы! Денег вам мало, шакалам? Теперь смертью торговать вздумали?! Да я бы и пальцем не шевельнул, если бы в паршивые азиатские цеха не вложил деньги этот сопляк, мой зять! Какова там его доля?

– Сто пятьдесят тысяч взноса и пятнадцать процентов от прибыли.

Большой Чин подумал и заключил:

– Я его долю забираю. Это раз. Сам вывезу из Узбекистана опиум – это два. И больше ни с Долидзе, ни с тобой никаких дел иметь не хочу! Это три. Дашь мне вечером адрес того вора в Азии. И предупреди Паико, что приедет человек и поможет вывезти товар. С меня хватит! С такой опасной кодлой, как ваша, я дел больше иметь не хочу. И очень жаль, что имел! Вы – хуже, чем убийцы и бандиты! – Большой Чин так пронзительно посмотрел на Элизбара Дмитриевича, что тот понял – разговор закончен.

Хотелось ответить, но Большой Чин, отвернувшись своим значительным седым профилем, направился к выходу, где его ждала иномарка со множеством антенн.

В тресте Элизбар Дмитриевич сидел рассеянный, пил но-шпу и раздраженно отвечал на звонки, не переставая ругать перестройку, путающую все карты. Прибавилась масса проблем. На пяти фабриках уже копались чиновники из центра, сразу запросившие такие астрономические суммы, что им было бесповоротно отказано. Их пытались усовестить, они разводили руками: «Перестройка! Ломка старого! Новые порядки!» – и с удвоенной энергией ворошили бумаги и архивы. Сотрудники паниковали, звонили, прибежали в трест, спрашивали, что делать и как быть.

И сам он звонил куда-то, ругался, шумел и отбрехивался. В минуты передышек вспоминал вчерашний день, за который успел проиграть еще двадцать тысяч, и давление у него прыгало. И дома все было неладно. Не такой он хотел видеть свою семью!.. Старшая дочь трижды выходила замуж, а внуков все нет. Младшая выскочила за какого-то инородца и уехала. Болван Кукусик с пятнадцати лет по притонам шляется, говорят, наркоманом стал... А теперь еще любовница, с которой двоих детей прижил, требует устроить старшую дочь в мединститут!.. Плюс верные сто тысяч!

В час дня он встретился с Долидзе. Когда тот услышал о решении Большого Чина, то разволновался:

– Значит, все теряем?

– Не визжи! Слава богу, избавились и от этой дряни, и от его наглого зятя. Он пошлет туда человека. А без нас ему потом не обойтись – он сам не будет опиум толкать! Давай адрес Паико. И позвони ему в кишлак, предупреди, что приедет человек, который поможет вывезти опиум.

– Адрес простой: под Наманганом кишлак, Катта-Курам.

– Улица?

– Одна улица... Дом номер тридцать пять, Убайдуллы Усманова.

– Вот дикость! Средневековые – одна улица! – покачал головой Элизбар Дмитриевич, записывая, чтобы вечером дожидаться Большого Чина возле его дома и в лифте передать ему листок с адресом, как они не раз проделывали с деньгами и бумагами.

А ночью Большой Чин позвонил домой Пилии и попросил его подъехать утром в восемь тридцать к Круглому садику в Ваке.

В назначенное время Пилия сидел на скамейке.

– Привет, мальчик, – сказал Большой Чин. – У тебя всё в порядке?

– Да, – ответил непривычно подтянутый и трезвый Пилия, оправляя костюм, надетый по случаю встречи.

– Можешь оказать мне небольшую услугу? Как у тебя со временем?

– Нормально. Есть дела, но для вас я их отложу.

Большой Чин кивнул:

– Хорошо. Я знал, что ты мне не откажешь... Кстати, может быть, и для тебя будет в этом деле интерес... У тебя начальником все тот же кабан, майор Майсурадзе, кажется?

– Он. Спит и видит, как бы стать начальником милиции где-нибудь в Глдани и курдов ловить, – усмехнулся Пилия.

– Хорошая идея, – подмигнул Большой Чин. – Стоит об этом подумать. Попозже. А когда он уйдет, я позабочусь, чтобы ты занял его место. Теперь слушай внимательно: в Азии лежит чемодан, мой чемодан... Его надо перевезти сюда. Но загвоздка в том, что в чемодане не деньги, а опиум.

Пилия насторожился: «Чемодан опиума! Ничего себе!» – но не позволил себе ничего спросить.

– Лежит чемодан вот по этому адресу. – И Чин незаметно положил на скамейку клочок бумаги. – Поедешь туда. Там некий Паико, вор, живет в сакле у какого-то узбека. Чемодан у него. Поможешь ему вывезти чемодан и сдашь мне.

– Ясно. А с воров чем дальше?

– Все равно. Мне он не нужен. Не имеет значения. Вообще можно оформить арест вора и везти официально... Выследили, поймали, везем домой, на следствие... Ну, тебе виднее. Это я только так, как вариант. Главное – чтобы ты был цел и невредим!

– Я все сделаю, – ответил Пилия. – Но меня многие знают...

– Здесь, но не там... А вор будет предупрежден. Ему тоже под прикрытием ехать легче. Другого выхода нет. Главное, чтоб этот проклятый чемодан прибыл сюда. Но собой не рискуй! Дороже жизни – только смерть во сне! – непонятно закончил Большой Чин, поцеловал Пилию в лоб и мельком взглянул на часы. – Денег не жалея. Скажешь потом, сколько потратил, я все возмещу вдвойне. Ну, иди!

– Когда лететь?

– Чем быстрее, тем лучше. Надеюсь на тебя. – И Большой Чин направился к своей иномарке, за которой стояла «Нива» охраны.

А Пилия еще некоторое время сидел в садике, переваривая поручение человека, которому был многим обязан в жизни. Оставшись бессильным сиротой, он ни за что не выплыл бы из нищеты, если бы не помощь Большого Чина, дальнего родственника и благодетеля, который поселил Пилию у своей двоюродной сестры, содержал, устроил на юрфак, а потом – в милицию. Большой Чин занимал очень высокий пост, но чем в действительности занимался – Пилия не знал. Несколько раз привозил для него из Москвы портфели-дипломаты с деньгами – и всё. Сейчас вот чемодан с опиумом... Надо ехать!

6

Кока по кличке Иностранец, рыжий Тугуши и Художник с опаской приближались к Сололаки. Вечерело. По булыжным мостовым разлеглись первые тени. Сумерки витали над крышами, путались в проводах. Деревья угрожающе вздыхали, скрипели ветвями, вздымая листву. Чтобы войти в этот район, надо миновать кафе-мороженое, возле которого группа рослых парней придирчиво и тщательно осматривает прохожих.

Это – биржа, а парни-биржевики наводят порядок: разнимают потасовки, решают споры, собирают слухи и сплетни, следят за щипачами, которые крутятся тут же, возле «Ювелирторга». Если кто-нибудь (вроде милиции или чужаков) вызывал у биржевиков подозрение, то известие передавалось через молодую поросль дальше, на другие посты. А наверху, у ресторана «Самадло», в районе Комсомольской аллеи, могли побить и просто так, для остротки – зачем по чужим районам шляться? Чего тебе тут надобно? Что высматриваешь и вынюхиваешь? Что потерял? Что надеешься найти?

Поэтому друзья шли тихим гуськом. Посты миновать никак нельзя. Впрочем, терять им нечего, кроме вшивого стольника, который они несли Анзору, чтобы тот купил для них таблетки с кодеином.

На бирже дежурили трое парней, явно в хорошем настроении. По счастью, Кока был шапочно знаком с одним. Обстоятельно расцеловались. Было заметно, что страж торчит под каким-то тонким кайфом.

– Морфий? – с завистью спросил Кока, умевший безошибочно определять, кто сколько чего и когда принял «на вены».

– Чистый! Ампулы! – хриплым шепотом подтвердил биржевик, расчесывая под полосатым «батеном» волосатую грудь.

Другой страж, поочередно задирая на поручень ноги в замшевых ботинках, истово чесал щиколотки. Третий, флиртуя с официанткой, без конца поправлял узел галстука, сидевшего на нем, как на корове седло. Кока по их усиленной чесотке, опухлости и бордовости понял, что морфия уколото немало, но все-таки уточнил:

– Куба по три вмазали?

– Я – три, они – по четыре.

– Откуда такое счастье?

– Конский морфин. Из Сванетии один ветеринар привез. Списанный. В огромных ампулах, кубов по двадцать каждая. Как морковь! – Биржевик показал на пальцах, какие огромные эти ампулы.

– Зачем лошадям морфий? Они и так быстро бегают, – вставил Художник для поддержки разговора.

– Вы что тут, в Сололаки, при коммунизме живете? – с открытой завистью вякнул Тугуши. – Весь народ на паршивом кокнаре сидит, а здесь – чистый морфий! Как в Раю!

Страж покосился на него, но промолчал.

– Взять эти ампулы нельзя?.. – без особых надежд спросил Кока.

– Нет, все уже разобрано, – отрезал страж. – А вы куда собрались? – Он скептически осмотрел румяного Тугуши и длинноволосого Художника, но от лишних замечаний воздержался: холодная корректность высоко ценилась в этом районе.

– Да вот товарища навестить.

– Кто это у нас болен? – хрипло поинтересовался второй биржевик, который теперь пытался карандашом чесать ноги под носками. – Что-то «скорая помощь» тут не проезжала.

Третий стражник болтал с официанткой через открытую витрину, но зорко поглядывал на пришельцев, руки из-за пазухи не вынимая.

Врать было бесполезно.

– К Анзору идем, – признался Кока.

Страж странно ухмыльнулся:

– Таблетки от кашля взять хотите?

– Угадал. Говорят, Анзор берет... Кодеин хороший...

– Да, говорят... чистый... хороший... – неопределенно отозвался тот и чуть отошел в сторону. – Что ж, идите.

– Только смотрите, от кайфа не загнитесь! – непонятым тоном добавил второй, а третий спросил невзначай: – На сколько хотите взять?

– На стольник.

– Ну, ничего, немного... Анзор недавно здесь был, сказал, что домой пойдет, покемарить.

– По слухам, он сам очень плотно на большом заходе сидит? – загорелись глаза у Тугуши, но его холодно остановили:

– А тебе что за дело?

– Просто так... – растерялся Тугуши.

– Просто кошки сосутся... Мы же не спрашиваем у тебя, сколько раз твой дедушка по ночам в туалет ходит! Зачем совать нос в чужие дела? – назидательно сказали ему.

По этой прелюдии Кока понял, что надо побыстрее уматывать, попрощался и заспешил вверх по улице Кирова, тихо отчитывая Тугуши за неуместные вопросы:

– Какое тебе дело, как кто сидит?! Ты ведь знаешь этих сололакских, они чересчур щепетильные, им слова лишнего не скажи! А ты лезешь с вопросами! Прямо в душу!

– А там, в твоём Париже, про душу забыли начисто? – спросил Художник.

– Да помнят, только каждый про свою личную и собственную, а не про соседские. Не твое собачье дело, сколько Анзор в день кодеина глотает!

– Просто... – промямлил Тугуши.

– Про «просто» тебе тоже уже сказали... Кошки сосутся... Хорошо, что не продолжи... В Тбилиси всегда так было – все про всех всё знать должны! – добавил Кока и начал, как обычно, ворчать про варварские обычаи и глупые порядки.

В свое время отец Коки, танцор известного ансамбля песни и пляски, будучи на гастролях во Франции, женился на девушке из семьи грузин-эмигрантов первой волны, стал жить в Париже, пить, петь, танцевать и регулярно наведываться на Пляс Пигаль, к проституткам. Скоро это жене надоело, и молодые развелись, не прожив и пары лет. Кока родился и рос в Париже у матери, потом учился в ГПИ в Тбилиси, подолгу жил то во Франции, то в Тбилиси, у бабушки, матери отца (который женился во второй раз на болгарке и уехал в Софию обучать болгар хоровому пению).

Кока окончил строительный факультет, но во Франции его диплом не был признан, а в Тбилиси он работать не хотел: вид деревянных счетов и допотопных рейсфедеров повергал его в уныние. Да и не было смысла: мать присылала много больше, чем он мог заработать в месяц.

По приезде в Тбилиси Кока сразу впадал в меланхолию, ругал все местное (как в Париже – все французское), пил, курил или кололся. Денег матери хватало, чтобы протянуть недели две на каком-нибудь зелье. Его после перестройки появилось много: кокнар из маковой соломки, жаренная на сковородке конопля «кузьмич» или отвар марихуаны в портвейне под поэтическим названием «Манагуа».

Кока привозил сувениры, пластинки, порнокассеты и журналы. Поэтому ребята в районе думали, что Запад состоит из жвачек, виски, секса и душистых сигарет. Кока честно пытался в этом всех разуверить, но тщетно: никто Парижа не видел, только слышали, что там хорошо «французскую любовь» делают.

Во Франции он успевал отвыкнуть от тбилисской безалаберности, поэтому его раздражали такие обычные вещи, как арбуз, лежащий для охлаждения часами под водой, бесконечные еда и питье, громкая музыка, ночные визиты, необязательность, опоздания, обилие пустых обещаний и мелких дрызг. Сам он, когда чистил зубы, всегда закрывал кран, а брился в раковине с водой, чем вызывал всеобщее веселье. Арбуз он обязательно перетаскивал из ванны в холодильник. Тушил за всеми свет. Уменьшал музыку. Никогда без звонка никуда не ходил и не открывал дверей непрошеным гостям или соседям, которым угодно в три часа ночи сыграть в нарды.

Всё его сердило и угнетало. «Что за туалеты? – возмущался он после ширки в уборной какого-нибудь кафе. – На Западе туалеты чище, чем тут Дом Правительства!» Однажды, отправившись за справкой в свое домоуправление, он был сражен наповал запахом колбасы, которую одноногий одинокий начальник в бабьей кацавейке жарил на перевернутом электрокаmine. К тому же в Тбилиси Коку часто принимали за дебила – он привык в Париже улыбаться, а улыбка у мужчин – это плохой признак: либо ты болван, либо педик, что одинаково нехорошо. Поэтому, если надо было пойти в контору, архив или кассу, он брал с собой кого-нибудь из местных парней, которые открывали двери ногами, здоровались матом и строили страшные рожи – так было всем понятнее.

А в Париже на него давило одиночество, которое казалось страшнее многолюдства, и он взахлеб ругал французов за их скупердяйство, вертопрахство и глупость.

С ним вечно случались обломы, пролеты, казусы, противные сюрпризы и странные ошибки, что, впрочем, не удивительно, если в Тбилиси жить и действовать, как в Париже, и наоборот. Отсюда вторая кличка Коки – Неудачник.

Благополучно миновав биржу, парни неслышно взбирались в гору, вдоль больших и добротных домов. Уже ярко светили фонари. В районе шла своя неспешная жизнь: слышались музыка, звуки нард, детские голоса, где-то пели, и пение мешалось со звоном бокалов и рыками тамады.

Выше было темнее, фонарей – поменьше, а людей – пожиже. Возле подворотен чернели фигуры, звучали хохот, тихая ругань и звяканье стаканов. Троица старалась идти по освещенной части мостовой, возле обочины, чтобы в случае чего улизнуть на такси из этого опасного места, откуда рукой подать до горы, где произошло много громких драк и убийств. Но никто их не тронул, только возле овощного ларька с шутками и прибаутками ласково отобрали пачку сигарет.

Во двореке, где жил Анзор, они растерялись, не зная точно, в какую дверь стучать. Решили негромко позвать. Кое-где дрогнули занавески на окнах. Крепко сбитый, кряжистый брюнет Анзор вышел в майке и трусах. Узнав Коку, он недовольно поинтересовался:

– Чего таким парадом явились?

– Извини, в ломке все. Взять хотим от кашля. Не поможешь?

– В ломке по улицам не ходят, – буркнул Анзор и добавил: – Там уже нету ничего.

– Как нету? Совсем? Может быть, осталось что-нибудь? – запричитали они.

– Говорю вам, кончилось...

И Анзор взялся за ручку двери. Но троица принялась так молить о таблетках, что он, на миг замерев спиной и как бы что-то решив, обернулся и уточнил:

– Таблетки, говорите?.. От кашля?..

– От кашля, от кашля! – закивали гости.

– Ладно, давайте деньги, попробую вылечить ваш кашель.

– Вот столтник, на шесть пачек. Этаминал у нас есть.

– Да? Угостите парой таблеток!

Кока замялся. Анзор вдруг без слов исчез в дверях.

– Ты офигел, что ли?.. Он обиделся! Дай ему этаминал! – испуганно зашикали парни.

Кока не успел ответить – появился Анзор и протянул пачку:

– Вот, меняю, не думайте... Вы мне – этаминал, я вам – кодеин, ломку снять. Своим кровным заходом делюсь! Вообще я этаминал не очень уважаю, но у меня сонники кончились, а без них кодеин не идет, сами знаете.

– Знаем, конечно. Что ты, Анзор, разве мы барыги? И так бы дали! – начал Кока, угодливо вылушивая таблетки этаминала и чуть ли не с поклоном подавая их Анзору, пока Туга и Художник вожаденно рассматривали пачку взамен.

– Ништяк. Вы ломку снимите, а я пойду с утра, посмотрю, что к чему... Я тебя сам найду, сиди дома, – сказал Анзор и окончательно скрылся за дверью.

Троица обрадованно выскочила на улицу. У ресторана сели в машину и поспешили домой к Коке, где разделили десять таблеток, добавили этаминала и через четверть часа уже сетовали, что кайф только пару разиков лизнул их теплой волнушкой – и исчез. Ломота в костях, правда, унялась, насморк стих и мигрень умолкла. Но не более того.

Наутро Тугуши и Художник явились к Коке ни свет ни заря, чем очень удивили бабушку, знавшую, что бездельники обычно спят до полудня.

Анзора не было. Успели позавтракать и даже пообедать, хотя Тугуши повторял, что на набитый желудок кодеин не пьют. Но перед бабушкиными котлетами никто не устоял. Бабушка, думая, что пусть лучше лоботрясы приходят к ним, чем Кока уходит, каждый раз сервировала им стол с ненужной роскошью: салфетки в кольцах, хрустальные графины, ложки и вилки на специальных подставочках, замысловатые солонки и крученые перечницы.

Все это осталось еще со старых времен, хотя во дни больших ломок Кока воровал из дома, что под руку попадет, даже умудрился как-то продать посудомоечную машину, им же привезенную с большой помпой из Парижа. Эту пропажу бабушка до сих пор вспоминает, как пример злого чуда: утром машина была на месте, а вечером ее в кухне не оказалось, и вместо нее стоял весьма странный, допотопный стул. Кока не разубеждал бабушку. На самом деле он подсыпал ей в чай снотворное, и, пока она спала, курды-носильщики выволокли машину из квартиры и увезли на дребезжащем грузовике в сертификатный магазин на улице Павлова, где помыли, забили досками и продали как новую за весьма приличную сумму.

Бабушка старалась забыть ту странную историю, ибо была фаталисткой и научилась ничему не удивляться. Будучи княжеского рода, она умудрилась пронести достоинство и приветливость сквозь все дразги и склоки советского быта. Была трижды замужем – за меньшевиком, за чекистом и за работником торговли, умершем от разрыва сердца, когда Шеварднадзе начал в очередной раз сажать членов партии.

Наконец, с улицы слышались сигналы машины. Кока кубарем скатился по лестнице и скоро вернулся, сияющий, бросил на стол шесть пачек и, крикнув:

– Я сейчас, только этаминалом Анзора подогрею! – побежал по гулким ступеням вниз.

– Конечно, как не подогреть! Обязательно! – приговаривал Тугуши, дрожащими руками перебирая пачки.

Кока прилетел через секунду, не забыв заскочить в кухню и поставить чайник. Каждому полагалось по две пачки. Решили вначале принять по одной, чтобы плохо не стало.

Начали их проталкивать в себя водой, по-куриному задирая головы и давясь сухими горькими пилюлями.

Потом запили горячим чаем и стали ждать, рассуждая о том, что в вену колоться вообще лучше, потому что кайф сразу приходит, а глотать – хуже, поскольку неизвестно, что там, в брюхе, происходит. Вот и сейчас кайф задерживается и, кроме отрыжки и икоты, ничем себя не проявляет.

– Говорил я вам, не надо эти котлеты жрать! Вот, пожалуйста! – шипел Тугуши, глядя себя по животу.

– Да ты сам больше всех и жрал! – отвечал плаксиво Художник.

А Кока бегал по комнате и делал руками и ногами разные движения, надеясь гимнастикой растрясти желудок. Наконец, он не выдержал, схватил вторую пачку и по одной закинул в рот все десять таблеток. Парни тотчас последовали его примеру. Выпив для надежности еще чаю, они подождали немного, но кайф никак не желал появляться. Нывший про «блядские котлеты» и вертевший от нечего делать пустую облатку Тугуши вдруг всполошенно воскликнул:

– А где тут вообще написано – «кодеин»?

– Как где? Вот, «Таблетки от кашля» написано, не видишь? – вяло отозвался Кока, проклиная себя за то, что поел, кроме котлет, макарон, которые теперь, очевидно, не давали кайфу открыться.

– Да, но где в составе написано – «кодеин»? – продолжал верещать Тугуши.

Посмотрели – правда, кроме слов «термопсис» и «лакричный корень», на пачке ничего не обозначено...

– Эге... – зачесали они в головах и побежали вытаскивать из мусора остальные облатки.

Ни на одной из них вожделенного «Codeinum fosfat» не значилось...

Стало ясно, что Анзор принес им таблетки от кашля, только без кодеина. Такие продавались во всех аптеках по три копейки, тоже назывались «От кашля» и были предназначены для грудных младенцев. А с кодеином стоили девять копеек и продавались с рук по пятнадцать рублей за пачку.

– Но вчера же были с кодеином? – спрашивали они друг у друга.

Да, вчера с кодеином. Только мало. А сегодня много – но без кодеина! Животы вздулись, окаменели. Мучила отрыжка, сухостью стянуло все внутри. Сквозь икоту Кока позвонил Анзору и невесело сообщил ему обо всем, на что тот сразу ответил:

– Не может быть! Подождите, я на своей пачке посмотрю, что написано...

Кока уныло ждал, пока Анзор ходил «смотреть». Вернувшись, тот сухо сообщил, что у него на пачке написано то, что нужно, и ледяным тоном добавил:

– Что ты мне голову морочишь? Все довольны таблетками, только вы втроем непутевый кипеш поднимаете и наглые нахалки кидаете! Без кодеина... Ничего себе! Эдак каждый может пустые пачки заменить! – намекнул он с нажимом.

И Кока окончательно понял, что ловить больше нечего. Ему сразу вспомнились странные лица парней на бирже, их ухмылки и ироничные советы «не умереть от кайфа». Наверно, там все знают, что Анзор нагло кидает тех, кого можно кидануть.

Повесив трубку, Кока прикинул, что теперь крайне трудно что-либо доказать. По правилам он должен был сразу, получив от Анзора пачки, заметить непорядок и вернуть их – тогда шансов больше. А сейчас... Да, каждый может выпить таблетки с кодеином, а упаковки показать другие... Иди и докажи!.. Словом, кидняк проведен виртуозно, по всем правилам!

И Кока принялся яростно и горестно ругать советскую жизнь, где человек за свои кровные не может получить нормального кайфа, без которого так трудно существовать в этой варварской стране лгунов и кидал. Тугуши и Художник советовались, как промыть желудки и избавиться от пилюльных завалов.

А бабушка уже несла испеченную к чаю мазурку для «лоботрясов», как она называла знакомых внука, часть которых, по ее мнению, была пассивными бездельниками, а другая – активными тунеядцами.

– Почему же ты не подал те крахмальные салфетки, что так любила моя матушка? Они идут к этому сервизу. О, среди нашего рода Гамрекели никогда не было таких оболтусов, как ты! – пожурела она его, разрезая мазурку.

– Да? – огрызнулся Кока. – А мой папаша?

– Это совсем другое дело. Душа поэта... Поэтам многое простительно... А вы, друзья, должны найти свое место в жизни и заняться каким-либо полезным делом. Прошу к столу, господа! Берите, пока горячая!

– Нет-нет, спасибо, горячего нам совсем не надо, нам пора, – невесело ответили они, с отвращением глядя на мазурку: тортов еще не хватало после котлет с лакрицей и макарон с термопсисом!

7

Шестиклассник Гоглик, сын Ладос, в последнее время готовил уроки с отличницей Натой Арчвадзе, дочерью Гуги. Жили они по соседству, их вместе таскали в детсад, по елкам, праздникам и ТЮЗам. Теперь вот Гоглику, большому лодырю, порекомендовали заниматься с Натой, лучшей ученицей класса, чему он чрезвычайно обрадовался, ибо был влюблен в нее, как, впрочем, и все дворовые мальчишки, кроме одного хулигана постарше, который влюбился в пионервожатую из другого района и каждый день ездил встречать ее после школы.

Чтобы чаще видеть Нату, Гоглик решил применить новую тактику – совсем перестать делать уроки. Это было сколь приятно, столь и полезно – учительница настоятельно советовала Нате обращать больше внимания на подопечного. И Ната волей-неволей приходила чаще, чем раньше, – она была ответственной девочкой да еще старостой класса. Ожидая ее, довольный Гоглик вертелся перед зеркалом, поливаясь духами и расчесывая челку то так, то эдак: налево выходил Гитлер, направо – Че Гевара, а посередине – Джон Леннон. Все было отлично. Жизнь портили только подлые прыщи, которые усердно замазывались маминой пудрой.

И сегодня, как обычно, Ната аккуратно разложила учебники, тетрадки, карандаши, циркуль, начала объяснять задачу, но Гоглик никак не мог понять числа «пи» – у него в голове пипикали совсем другие мысли.

– Давай сделаем перерыв, порисуем или почитаем, я устал!

Хотя чтение явно не относилось к любимым занятиям Гоглика, но все-таки было лучше опостылевшей математики.

Ната, помня, что он пару раз и правда вздремывал под математику, начала назидательно:

– Вырастешь неучем! Учти: геометрия нужна тебе, а не учителю! – Но Гоглик стал корчить такие скорбные мины, что она, готовая к разным штучкам, которыми ее донимали мальчишки, уклончиво согласилась: – Ладно. Почитать можно, но смотря что.

– А вот то, что я на столе у папы нашел. Ну, хочешь? – Это был шанс не только избавиться от проклятого «пи», но и посидеть рядом с Натой на диване. Может быть, даже коснуться ее плечом или рукой...

Девочка, которой тоже порядком надоели теоремы (сама она знала их назубок), кивнула:

– Давай! – Но предупредила: если там будет что-нибудь «такое», она обидится и больше не придет.

– Нет, что ты! – заверил ее Гоглик и вернулся с рукописью, вложенной в старую газету. – Вот. Я вчера тут почитал немного... Про бесов...

– Про кого? – не поняла Ната.

– Ну, про этих, с рогами! – И он для убедительности скорчил рожу.

– Хм, – произнесла она. Косички ее дрогнули. – Давай.

– Будем по очереди, а то я устану, – предупредил он.

– Ничего, тебе полезно! – строго сказала Ната, устраиваясь в кресле, а не на диване. – Только читай внятно, со смыслом, а не как пономарь!

Каков сей пономарь, часто поминаемый на уроках, дети не знали, но представляли себе сухого красноногого небритого шепелявого пьянчугу, вроде тех, что вьются у пивных ларьков, выпрашивая мелочь. Гоглик не хотел быть на них похож. Поэтому начал старательно читать:

«Вечерами отроги Южного Кавказа впадают в столбняк, уползают под шкуру небесного буйвола. Разом стихает скрипучий лес. Плотный туман сочится из гулких расщелин,

обволакивает остовы валунов, по-хозяйски, не спеша, роется в ветвях, перебирает листья. Сизые тени развешены по черным кустам. Засыпают озера. На ледниках возбужденно взвиваются снежные вьюги. Гудит буран. И несет морозной пылью, когда бог Воби начинает откусывать сугробы от своего снежного каравая.

Пленный бес просыпался на закате и слушал одни и те же скрипы деревьев, шорохи трав и трескотню льдинок. Без хозяина-шамана идти из пещеры он не мог и не смел, ибо давным-давно уловлен сетью и посажен на крюк в скальном шкафу коротать дни и ночи под надзором шамана.

Когда шаман засыпал, из его тела выходил двойник и садился стеречь беса, давить крыс и отгонять злых духов. А в плошке само по себе вспыхивало пламя и горело ночи напролет стойко, не поддаваясь сквознякам и ветрам, которые бес исподтишка выпускал от досады. Под утро двойник уходил. За ним исчезало пламя. Оно самое опасное: сторожит всех, вспыхивает, когда желает, хотя никто никогда маслом плошку не заправлял и не вставлял фитилей.

Сейчас двойник насуплен и угрюм. Его голубые глаза обращены внутрь. И пламя держится, зеленея, точно больной изумруд. Бес исподволь завел один из уклончивых разговоров:

– Я на привязи, пусти-ти идти-ти! Наружу! Что тебе? Надо нюхать ночь! Наружу-жу!

Двойник не отвечал, что-то рассматривая перед собой. Бес подобрался вплотную к столу, заныл:

– Душнота! Дышота! Плохота!

Двойник шевельнулся:

– Ты дышишь другим воздухом! Пошел в шкаф! – приказал он, а шаман во сне перевернулся с живота на спину и проговорил что-то на странном наречии.

Двойник наострился на спящее тело. Потом погнал беса на место.

И бес пошел, отшатываясь от полки, где дремлет запертый в ножны кинжал, насуплен гранитный шар и вздыхает розовый лепесток в хрустальном яйце. Все это было очень опасным. Ужасным был и бубен в сундуке, огромный, обтянутый оленьей кожей, старый и сердитый. Он исходит злостью и гремит почему зря. У бубна есть костяная сестра-колотушка, при удобном случае охотно бьющая куда попало. Сделана из волчьей кости, любит толкаться и стучаться. Но самым страшным был идол Айнину, который из скальной ниши пялился своими агатовыми глазами и мог насылать порчи и корчи. Его боялся сам хозяин и держал под особой мешковиной, из-под которой идол иногда тревожно гудел по ночам, отчего в пещере не бывало покоя.

Бес привык к суровости двойника. Побоями и руганью заканчивались бесконечные уговоры бежать куда-нибудь подальше:

– Брось хилое тело! Летим-свистим отсюда! Хорошошо вместе! – слезливым нытьем подбивал бес сторожа.

Но двойник был неприступен, всегда настороже и закрывал собой щели и дыры, куда мог просочиться бес. Делать нечего, надо лезть в шкаф.

Изредка шаман выводил его к озеру – кормиться. Сам сидел на камне, а беса на невидимой веревке пускал пастись. Бес расправлял крылья, жадно и часто зевал, скулил, ежась от голода. Он питался не только земной скверной, но и последними дыханиями умирающих: искал в эфире лакомые запахи смерти, находил место, где должен изойти чей-нибудь последний вздох, и рвался туда, но невидимая вервь надежно держала его. И он, голодный, покорно ждал, пока шаман не потащит его обратно в келью. Несносный крюк, проклятая цепь! И почему его мохнатое величество, царь-сатана Бегела не спасает его от шкафа? Или правду говорят братья – кого царь любит, того и мучит?

Временами бес пытался усювестить шамана:

– Зачем держать? Я малый бес, убивать не могу. Что знал – сказал, открыл, отдал. Чего надо? Нас много-го-го! Они там, на воле!

– Одной тварью меньше – уже немало! – Шаман хватал гранитный шар и чертил им в воздухе искрящийся знак, отвратный и ядовитый, как укус летучего тарантула. Бес цепенел и сникал.

Если бес начинал слезливо просить отпустить его на все шесть сторон света, то шаман выразительно поглядывал на кинжал. Его он всегда носил с собой, а в пещере прятал в ножнах. Этот мстительный и подлый кинжал однажды уже сорвался с полки и отрезал бесу кончик хвоста: пошла черная кровь, седоусая крыса унесла обрубок в нору, а бес болел с полгода.

Если он пытался неуклюже рваться с цепи, то шаман клеймил его огнем: раскалял кинжал и прикладывал к лапам. И бес с визгами уползал в шкаф, где зализывал раны, проклиная хозяина, давясь желчью и умоляя Пиркуши, подземного кузнеца, снабдить его чем-нибудь против мучителя. Но зовы малых бесов не проходят сквозь земную твердь. Никто не слышит, не хочет их слышать, а тем более оглохший хромым Пиркуши, который день и ночь где-то в своей кузнице серным молотом выбивает из людей зло, а из демонов – добро и жалость, что случайно затесались в них.

Бесконечный голод сжигал огнем. О, эти последние стоны, вздохи, всхлипы, всхрапы и вскрики людей, такие разные на вкус! О, прелесть последних дыханий, из которых сначала надо выпивать сок, а потом выедавать плоть! Нет одинаковых. Да, хозяин дважды в году, зимой и летом, отпускал его на веревке в село, где умирали старики или околевал скот. Праздничное угощение! Но старческие дыхания дряблы и сухи, а звериные – горьки, безвкусны, а иногда и ядовиты. И бес прилетал распаленным и злым, с новыми силами строил козни, рвался с крюка и пытался перегрызть цепь, но шаман был священным магом, и побороть его бесу не под силу.

Хозяин так ослабил его слух и нюх, что бес потерял связь с сородичами, а раньше всегда знал, где на Кавказе гудят шабаши и волнуются сходки. Он был так обильно кроплен святой водой, что стал бояться всякой воды, хотя прежде любил плескаться во владениях бога Воби, который напускает ливни, когда вздумается, и с громом садится каждую ночь за свой льдистый ужин.

Сейчас бес нутром чуял: с хозяином неладно. Что плохо для людей – то хорошо для бесов! И он, довольной тихой сапой, стал бесшумно слоняться по пещере, сторонясь наскальных знаков и отшатываясь от опасной полки, с которой слышались шипенье шара и глухой ропот ножен.

Воловья шкура зловеще хлопала и надувалась на ветру. Гуляли сквозняки и свисты. Шаман ворочался на бараньей подстилке. Как-то странно икал, рыгал, коряво проговаривал гневные звуки и целые фразы, глядя невидящими глазами на двойника в упор. С губ летели пена и сукровица. Двойник отводил глаза, ежилась, отсвечивая голубым.

Вдруг шаман сел, слепо повел головой и проревел несколько дробных, утробных слов. И двойник вмиг исчез – только заскрипела воловья полость да упал кусочек камня. Шаман повалился навзничь и затих. Пламя в плошке задергалось, хирея.

Не растерявшись, бес плевком погасил огонь. Не отрывая глаз от полки, опасливо пятясь и пялясь на молчаливое тело хозяина, он кое-как вылез наружу. Лежалые крылья чуть не подвели его, но он судорожно задергал ими, со скрипом раскрывая во весь размах, и заковылял к откосу. Онемевшие лапы скользили по наледи. На ходу он изогнулся, перекусил веревку, увеличил прыжки и рывком снялся с обрыва. Вскать прочь в ночь!

Бес помчался на восток. Сбежать в Индию надоумил его старый кадж¹⁵, с которым он успел как-то пошутушкаться в кустах, пока хозяин собирал маковую слезу для своих снадобий. Этот плешивый колченогий старикан сказал, что бежать надо прямо в Индию, где легко затеряться среди всякой нечисти:

– Если удерешь – то держи путь на восток! Здесь, на Кавказе, шаману известны твои пути. А в Индии, Большой Долине, можно надежно укрыться от мучителя, там много наших!

Бес запомнил совет и сейчас мчался, огибая утесы и пересекая ущелья. Воздушные омуты свистели и грохотали, будто камнепады. Пар был слоист и курчав. Он летел уже долго и с непривычки устал. Крылья стали неметь, скрипеть и гнуться, трещали перепонки. Он выворачивал морду назад и чуть не столкнулся с тучным и рыхлым духом – тот вихрем просвистел мимо, проклиная все на свете:

– Огонь, пожар и пламя!

Бесу были знакомы эти ленивые духи дымов, которые вечно копятся над кострами, жиреют от запаха крови, купаясь в дымах, как в прибое. Жируют без дела и знают места, где легко поживиться. Но не до них сейчас! Воля! Свобода! Не плен! Не капкан!

Он мчался, ошеломленный. Внизу дымились воды, сверкали скалы, плыли поля. Над Памиром, заглядевшись на блестящие ленты льда, он врезался в неизвестно откуда взявшегося орла. Тот камнем пошел вниз, клопоча и теряя в агонии перья.

Бес не стал гнаться за его последним вздохом, а резко ушел в зенит и с высоты начал выбирать место, где можно найти пищу и отдых. Нашел. Круто свернул вниз. На окраине деревушки сложил гудевшие крылья. Стал внюхиваться в эфир...

Вон там умирает человек!.. Бес перемахнул через забор во двор, где горел костер, а из дома слышалось гнусавое пение. Жрецов и колдунов он ненавидел: они всегда рядом со смертью и мерзкими уловками отгоняют от легкой добычи. Обогнув костер, он неслышно проник в дом.

На кровати лежало что-то малое, серое, седое. Одни седины, морщины. Повсюду – краснорожие и толстобрюхие божки. На полу сидят два жреца. Один, с красной крашеной косой, встревоженно поднял голову. Ведуны могли третьим глазом различать его облик. Поэтому лучше замереть, затихнуть, оглядеться. Но жрец, потрогав пустоту, принялся дальше читать по свитку. Его белая хламида расшита камнями и разрисована черными узорами, угрожающими на вид и нюх. Рядом другой жрец, в красной маске и колокольцах, время от времени трубил в рожок, щелкал по барабану, разворачивал свитки.

Они вели душу к последнему исходу. Сейчас лучше их не трогать. И зачем они иногда изо всех сил дудят в длинные костяные трубы?.. Таких огромных труб он никогда не видел. Не из человеческих ли костей? От заунывного воя нагревалась башка, по крыльям сновали мурашки, в зобу спирало. Алая грубая маска жреца подмигивала, наводила тоску. Кто ж не знает, что для бесов опасней всего маски, шум и огонь? Но куда скрыться от рыков, звонов и гримас? Бежать? Нет, он пересиливал себя, зная, что час близок.

Надо скорчить рожу пострашнее, чтобы испугать и ускорить исход. Вот седое существо увидело его. Захлебнулось ужасом, заворочалось, заурчало. Изо рта потекла струйка крови. Ухватив последнее дыхание, бес стал выматывать его из хилого тела, впавшего в тряску. Вырвал целиком и проглотил.

Жрецы повскакали с мест, заколотили в бубны, завопили:

– Хит-пхет! Хит-пхет! – и стали пальцами раздвигать родничок на черепе смертника, помогая запуганной душе выбраться наружу.

Но бес свое уже получил и торопливо доедал комковатые, с гнильцой и желчью, старческие всхлипы. Скоро все было кончено. Пятясь и опрокидывая божков, он покинул дом и

¹⁵ Мелкие бесы грузинского фольклора.

двор, где голосили измазанные грязью женщины, скулили псы и плакали дети, а из-за плетня по-бараньи пятались соседи.

Он набрал высоту и полетел над белой пустыней облаков. Вспомнил рассказ колченогого каджа о том, как однажды, заблудившись после шабаша, тот долго летел над океаном, вконец обессиленный от голода, и вдруг ему встретилось последнее дыхание кита, такое огромное и плотное, что он, оседлав его, полетел на нем дальше, отрывая и пожирая куски. Еще плешивый старикан говорил, что очень вкусны дыхания слонов – они не прозрачны, а молочнобелы. А дыхания священных коров, оказывается, вкусом напоминают разведенный в росе мед! Скорее в Индию! Там ждет еда и хорошая жизнь!

Вот внизу появилась река. «Ганг! Ганг!» – забились и зазвенели небесные гонги. Эфир реки жил своей жизнью. Виднелись стайки мелкой нечисти. Гордо, поодиночке, парили охотники за запахами, сновали юркие двойники. Демоны курили кальяны под мшистыми пальмами. Низко над руслом кружили феи воды. Их забава – плести из водорослей венки и набрасывать на шеи любопытных цапель. Бес оглушительным свистом распугал эту никчемную мелочь, и она в страхе попятилась в осоку, где крокодил тащил в воду глупую корову. Бес визгливо завопил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.